ЕКАТЕРИНА РИЗ
В суете
ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Екатерина Риз
В суете прошлых дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67750146
ISBN 978-5-0056-5882-1

Аннотация

Молодой девушке, прошедшей через развод и разочарование, непросто найти силы для того, чтобы вновь поверить в любовь. Юля, приехавшая покорять большой город из провинции, говорила себе, что у нее все непременно получится и случится. И, познакомившись в ночном клубе с мужчиной, совсем не посчитала, что это знакомство станет для нее судьбоносным. Она подумать не могла, что они с новым знакомым неожиданным образом окажутся втянуты в прошлое друг друга. И что захотят друг друга поддержать.

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 38
ГЛАВА 3 69
ГЛАВА 4 117
Конец ознакомительного фрагмента. 140

В суете прошлых дней

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2022

ISBN 978-5-0056-5882-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Я несколько раз перечитала официальное письмо, что пришло по почте сегодня утром. Мне не хватило духа распечатать его прямо там, в подъезде, у почтового ящика. Хотя, я ждала это письмо несколько недель. Так ждала, так ждала, хотя, понимала, что надеяться мне особо не на что. Ещё один запрос, ещё один отказ, ещё одна выплата адвокату для составления протеста.

Как же всё это надоело.

И вот я добралась до работы, устроилась на своём месте, разложила все бумаги по своим местам, заставляла себя улыбаться коллегам, которые заглядывали ко мне, чтобы поздороваться или поинтересоваться, успело ли начальство появиться на рабочем месте. И только, когда собрала всю свою смелость в кулак, я, наконец, достала из сумки конверт, вскрыла его и развернула лист бумаги. На нём были прописаны официальные слова и фразы: «Оповещаем Вас…»

«В ответ на Ваш запрос от такого-то числа такого-то года, сообщаем, что…».

Я втянула в себя воздух, прочитала продолжение и от бессильной злости скомкала бумагу и швырнула её на пол. Отказано. Хотелось плакать, хотелось кричать, хотелось топать ногами. Или выследить бывшего мужа, как добычу выслеживают, и вцепиться в его физиономию, провести по ней ног-

тями, от всей души. Маникюр как раз позволял.

Но я знала, что ничего этого делать не стану.

Я посидела столбиком в тишине приёмной, таращилась на глупую картину на стене, пыталась собраться с мыслями. Затем поднялась, прошла по новенькому паркету, цокая высокими каблуками, наклонилась за скомканной бумажкой. Спрятала ту в сумку. Не хотелось, чтобы её кто-то нашёл и узнал то, что я так старательно скрывала от всех.

– Всё хорошо, – пробормотала я себе под нос, но старалась, чтобы голос мой звучал бодро. Сама себя пыталась подбодрить. Подошла к небольшому зеркалу на стене и посмотрела на своё отражение. И повторила, уже глядя себе в глаза: – Всё хорошо. Это лишь ещё одна неудача.

Всё бы ничего, но я повторяла себе эти слова, как мантру, уже не один год. Уговаривала, что в следующий раз получится, но ничего не получалось. И от душившего отчаяния силы кончались быстрее. Время играло против меня, это без сомнения. Каждый прожитый год, каждый следующий отказ, всё больше отдалял меня от желаемого.

Дверь в приёмную открылась, заглянуло веснушчатое лицо Лили Смирновой. Девушкой она была молодой, энергичной и оттого несколько напрягала своей суматошностью. Как заяц на батарейках – барабанила и барабанила. Особенно по утрам коллектив от Лили заметно уставал. Потому что все остальные на работу приходили с большим желанием для начала выпить кофе, перевести дух, проснуться окончательно,

в конце концов, а Лиля не приходила, а прилетала в офис, переполненная желанием работать. Подобных подвигов коллектив не понимал, и Лилиного трудового рвения сторонился. И тогда Лиля по обыкновению начинала рваться к начальству. Ведь кому хотеть работать так же, как и ей, как не директору, правда?

– Юлёк, привет, – выдала улыбающаяся Лилькина мордаха. – Алексей Родионович у себя?

Я посмотрела на часы, потом на Лилю, что появилась в дверном проеме целиком. Привычная юбка в пол, неброская кофточка, рыжие волосы, стянутые в хвост на затылке, и глаза, пылающие, как два угля – восторгом и азартом.

– Нет, Лиля, – терпеливо проговорила я, вместо ответного приветствия. – Он раньше половины десятого не приезжает, ты же знаешь.

– Можно я у тебя здесь посижу, подожду его?

Я спокойно качнула головой, отказывая.

– Нет. У тебя есть своё рабочее место. А у меня своё. Или ты забыла?

Улыбка на губах Лили увяла.

– Я просто хотела быстрее… рассказать ему.

– На планёрке всё расскажешь, – перебила я её. – Через тридцать минут.

– Господи, Лиля, какая ты нудная, – раздался за спиной девушки характерный вздох. Лиля отступила в сторону, и в приёмную вошла Алёна Слепова. С Алёнкой мы дружи-

ли, подружились с первого дня, как я устроилась на работу в качестве секретаря директора сети продуктовых магазинов. Магазинчики у Алексея Родионовича были небольшие, не федеральная сеть супермаркетов, но по области их было разбросано много, и они пользовались популярностью, радовали покупателей приемлемыми ценами и частыми акциями. А что ещё нужно обывателю?

Я устроилась в компанию на должность секретаря, если честно, не особо надеясь, что работа меня устроит, по привычке ждала подвоха и подводных камней, не упомянутых обязанностей, но всё оказалось прилично и достойно, зарплата меня устраивала, начальство не наглело, выказывало сотрудникам уважение и порой даже радовало премиями. Работала я в компании два года, уже могла назвать себя опытным сотрудником, со стажем работы в компании, могла похвастать знанием нюансов, и с начальником своим прекрасно уживалась, успев выучить за это время его привычки и пристрастия. Алексей Родионович был мужчиной понимающим, спокойным, вот только чересчур внимательным к деталям и дотошным в некоторых моментах, и это приходилось учитывать. Чтобы жить спокойно и быть в первых рядах хвалёных сотрудников, мне пришлось научиться опережать события, мысли и пожелания руководства. Успевать сварить кофе к приходу Алексея Родионовича на работу, разобрать и подать почту, составить график встреч так, чтобы он непременно успел на обед домой, ведь там его ждёт

жена и трое детей-школьников. Жена у Алексея Родионовича, женщиной была властной, с твердым характером, и никакого мнения против не терпела, даже мнения мужа. Поэтому Алексей Родионович со своей Олечкой никогда не спорил. Надо приезжать на обед – значит, надо. Никакой бизнес этому не помеха.

От моей кандидатуры в роли личного помощника мужа, Ольга Константиновна была не в восторге. Наверняка, в мечтах она видела на роли секретарши мужа, женщину в возрасте, с невзрачной внешностью и строгими моральными принципами. А тут я, со своими кудрями и высокими каблуками. Что поделать, люблю я каблуки. Мордаха симпатичная, стан гибкий, ноги длинные, и улыбаться я умею. В общем, Ольге Константиновне я не нравилась, поэтому пришлось мне довольно долго доказывать ей, что никаких планов на счёт её мужа я не строю. Работа куда дороже. Зачем мне женатый с тремя детьми в багажнике? И мегерой-женой, к тому же. Не удивлюсь, если такие, как Ольга, и по бабкам пробегутся, чтобы соперницу в седьмом поколении проклясть. Хотя, по моему мнению, волновалась она зря. Алексей Родионович никого кроме жены вокруг не видел. Она заполняла все его мысли и пространство рядом с ним. Хочешь, не хочешь, а ты счастливый семьянин. Смотришь на него, и ничего кроме умиления чужим семейным счастьем не ощущаешь.

Что ж, кому-то, на самом деле, везет.

А вот Лиля в шефа, судя по всему, была влюблена. Или настолько перед ним благоговела, что ловила каждое слово и смотрела на него по-собачьи преданными глазами. Но на её счёт Ольга отчего-то не волновалась.

Я на Лилю глянула, на её по-детски наивную мордаху. Вздохнула про себя. Я бы тоже волноваться не стала.

Алёна прошла в приёмную, тоже на Смирнову посмотрела. Поторопила ту:

– Иди работать, Лиля, не тяни время.

– Я не тяну, – обиженно растерялась та. – Я работаю, я же наоборот!..

– Кыш. – Алёна закрыла перед веснушчатым лицом дверь приёмной. Ко мне повернулась, красноречиво посмотрела. – Интересно, она сама от себя не устаёт?

Я ничего не ответила, только коротко улыбнулась. Поинтересовалась:

– Кофе будешь? Я сварила.

– Буду. И от печенья не откажусь.

Алёна устроилась в низком кресле у стены, закинула ногу на ногу.

С Алёной мы были похожи, наверное, потому и подружились быстро. Похожи не внешне, а отношением к жизни, интересами, планами на будущее. Правда, у Алёны в багаже не было столько злоключений и неудач, как у меня. Алёнка родилась в Нижнем Новгороде, не приезжала, как я, из маленького районного городка, и не боролась отчаянно за каж-

дый шаг вверх по социальной лестнице. У Алены были хорошие родители, которые старались дать единственной дочке всё, что могли. Например, много лет копили и купили той маленькую квартирку, в которой та могла строить свою взрослую жизнь. Поддержали, пока дочь получала высшее образование, искала работу. Да и, вообще, родители, которые всегда ждут тебя, всегда готовы поддержать, с которыми ты можешь в любой праздник сесть за накрытый стол – это очень много значит. Само ощущение семьи – очень много значит. У меня такого не было. Мне не к кому было поехать на праздники, меня никто нигде не ждал.

В нашей компании Алёна работала юристом, поэтому имела тягу ко всяческим секретам, интригам и сбору информации и компромата, и могла очень много рассказать про сотрудников. Кто сколько получает, кто на что тратит, у кого какая кредитная история. Не буду скрывать, что Алёна – женщина любопытная, любит поболтать и посплетничать. Мне вот, если честно, не слишком интересно у кого что происходит в нашем офисе. Наверное, потому, что со своими проблемами разобраться не могу. С проблемами, о которых в кругу моих нынешних знакомых, только Алёна и знает. Вначале узнала исходя из своих профессиональных обязанностей, но я ей благодарна, что никому не рассказала, и искренне поддерживала и сочувствовала. Вот и получается, что обсудить свою проблему я могла только с ней. Всем остальным, в том числе, моим родственникам, было не инте-

ресно. Моя семья – отдельный разговор. Здесь каждый за себя, так уж нас воспитали, так жизнь сложилась. Мои проблемы никого не интересовали – ни мать, ни сестру, ни тем более младшего брата. Каждый жил, как мог.

Я налила Алёне кофе, стараясь не обращать внимания на её пристальный взгляд. Принесла ей чашку на фарфоровом блюдце, а подружка не выдержала и поинтересовалась:

– Ну что? Ответ получила?

Я кивнула, молча. Алёна всё поняла правильно и расстроено вздохнула.

– Ясно. Что делать будешь?

Я пожала плечами. Ответа у меня не было.

– Понятия не имею.

– Юль, ты главное, руки не опускай. Надо бороться, слышишь?

– Слышу, – отозвалась я. – Я борюсь. – У меня вырвалась кривая усмешка. – На те деньги, что я адвокатам заплатила, я могла бы ещё одну квартиру в ипотеку выкупить.

– Да это понятно… Но всё равно! Это ведь нечестно.

– Не в наши времена о честности говорить, Алён.

– Глупости. Хочешь, сходим куда-нибудь вечером? Отвлечемся. Пятница к тому же.

– Я хотела завтра в Борск поехать.

Из Борска, малюсенького городка на границе нашей большой области, я была родом. Там жила моя семья, если людей, которым на тебя откровенно наплевать, можно назвать

семьей.

– Душу себе рвать опять?

– Давно не была, надо узнать, что там происходит.

Алёна одарила меня лукавой улыбкой.

– Я бы тебя с Вадиком познакомила.

Я, наконец, улыбнулась.

– Ах да, новая любовь.

– Не любовь, – тут же фыркнула Алёна. – Я пока присматриваюсь. Тебе бы тоже не мешало, кстати.

– Присмотреться к Вадику?

– Дура, – засмеялась Алёна, а я следом за ней. – Вообще, присмотреться к кому-нибудь. Чтобы отвлечься от всех этих мыслей. Ты давно одна, Юля.

– Что поделать, если мне не везет в любви, – развела я руками. – А размениваться не хочется.

– А чего хочется? Большой и чистой? Великой?

– Я была бы не против.

Алёна вздохнула, допила кофе и поставила чашку на блюдце, очень аккуратно.

– Ты же знаешь, что большая и чистая, хороша, когда всё взаимно. А когда ты сама полюбила, на себя взвалила и потащила вас обоих вперед, в светлое будущее, в какой-то момент тебя действительность так по башке шарахнет, что хочется лечь и умереть.

– И что, Вадика ты не потащишь?

Алёна решительно качнула головой.

– Не потащу. Я решила быть умнее, пусть теперь меня в прекрасное далёко затаскивают.

Мы с подругой встретились взглядами, и неожиданно замолчали. Как-то вдруг грустно стало, и не знаешь, что сказать. Хорошо, что в этот момент дверь в приёмную решительно распахнулась, и появился наш разлюбезный начальник. Как всегда вовремя, минута в минуту. Иногда мне казалось, что Алексей Родионович норматив на время сдает, и тут же жене докладывает, что добрался вовремя.

Мы с Алёной дружно заулыбались.

– Доброе утро.

– Доброе утро, Алексей Родионович!

– Юля, мне кофе, пожалуйста. Алёна, вы ко мне по какому-то вопросу?

– Я на планерку, Алексей Родионович, занимаю место в первых рядах, – соврала Слепова, продолжая улыбаться.

– Похвально, похвально, – проговорил Афанасьев, проходя в свой кабинет, а я вспомнила про кофе и поспешила подняться, чтобы исполнить свои профессиональные обязанности.

После обеда мне позвонил адвокат. Я слушала его и практически не задавала вопросов. Просто слушала, наверное, потому, что заранее знала, что он мне скажет, какие объяснения даст, и какие доводы приведет.

– Юля, вы должны понять, что мы можем продолжать, подавать запросы, получать отказы, но времени осталось мень-

ше года. Дальше… будет практически бессмысленно.

– Я понимаю, – говорила я в трубку.

– Может, вы попытаетесь ещё раз договориться лично?

Я вздохнула, закрыла глаза и потерла лоб.

– Лев Леонидович, я уже пробовала, вы же знаете.

– Знаю. И мне жаль. Но я, правда, не знаю, что ещё сделать. Если бы всё зависело только от бумаг, от характеристик, от вашего благосостояния. Но чем больше времени проходит, тем меньше это играет роли.

Хотелось плакать, но я всеми силами держалась. До боли в глазах таращилась на полированную поверхность письменного стола, за которым сидела.

– А если… снова подать заявление в суд? – вырвалось у меня. – Не в районный, а в областной.

В трубке повисло молчание, после чего адвокат проговорил:

– Можно попробовать. Но вы же знаете, это потребует определённых затрат.

– Это не важно, я найду деньги.

– Хорошо, я не в праве вас отговаривать. Но я бы посоветовал вам обдумать этот шаг. Посоветовал бы прощупать почву. Насколько это будет продуктивно.

– Конечно. Я как раз собиралась в Борск.

– Отлично. Тогда после вашего визита, мы с вами созвонимся и ещё раз всё обсудим.

– Спасибо, – сказала я, телефон выключила и положила

на стол. Легче мне, после разговора с адвокатом, не стало ни сколько. Наоборот, в последнее время становилось всё хуже, какая-то безысходность накатывала каждый раз.

В Нижний Новгород я переехала семь лет назад. И очень полюбила этот город. Выходила после рабочего дня на шумные улицы старого города, вдыхала его особый запах и частенько на секунду-другую останавливалась, впитывая в себя ощущения, которых долгое время не знала. Я родилась в малюсеньком городке, и прожила в нём до двадцати двух лет. И, если честно, думать не думала, что когда-нибудь оттуда уеду, что буду жить в большом городе, и почувствую себя здесь своей. Я радовалась тому, чего смогла добиться, каждый день радовалась, и, наверное, могла бы стать по-настоящему счастливой, если бы не одно безумно удручающее меня обстоятельство. Оно тяжёлым камнем лежало на моей душе много лет, не давало дышать, не давало смотреть в будущее смело и без оглядки. Мои мысли, мои воспоминания тянули меня обратно в Борск, и даже психотерапевт, к которому я однажды решила сходить и выговориться, советовал мне разрешить все прошлые проблемы, чтобы наконец жить дальше.

Хорошо быть психотерапевтом. Посоветовал выбрать правильную дорогу, взял за это деньги, а человек потом голову ломает, как ему на эту самую дорогу выскочить. Не сломав при этом себе шею и психику заодно.

Когда я переехала в Нижний Новгород, у меня ничего,

кроме огромного желания заработать денег на хорошего адвоката, не было. Повезло, что здесь жила двоюродная сестра матери, которая согласилась меня приютить на время. Не бесплатно, конечно, и платила я ей немало, в основном, за её благосклонность и временную регистрацию, чтобы я могла устроиться на нормальную работу. Съехала от тётки я довольно скоро, а через два года и с регистрационного учета смогла сняться. А полтора года назад купила в ипотеку малюсенькую студию в новостройке, в огромном жилищном комплексе. Квартиры здесь были не так дороги, район не престижный, зато это было моё жилье в Нижнем Новгороде, отныне я могла считать себя полноценным жителем города-миллионника. Между прочим, я в нашей семье самым пробивным человеком оказалась. Старшая сестра так и осела в Борске, и вряд ли когда оттуда выберется.

А я собой гордилась. К тридцати годам у меня была крошечная квартирка, подержанная машинка, зато красного цвета, я могла позволить себе купить лишнюю пару туфель в приличном магазине или хорошее нижнее бельё. Наверное, со стороны многим людям моя жизнь, мои успехи, не казались серьёзными достижениями. И только я знала, сколько усилий мне потребовалось, чтобы перестать чувствовать себя убогой провинциалкой на широких улицах огромного города. И как бывает страшно, когда ты понимаешь, что ты должна справляться со всем одна.

Ещё по дороге домой у меня начал звонить телефон. При-

чем, наигрывать не слишком приятную мелодию, а это означало лишь одно – звонит бывший.

Не знаю, зачем он до сих пор мне звонит. Честное слово.

С Олегом мы расстались больше года назад, решили, между прочим, обоюдно, что наши отношения себя изжили. Нам стало скучно, нам стали не интересны дела друг друга, точнее, Олег считал, что его дела, интересы и проблемы в приоритете, а то, что волнует меня, это банальные женские причуды. Несколько месяцев мы спорили по этому поводу, каждый пытался доказать свою правоту, а после решили расстаться. Я, кстати, подошла к этому решению вполне трезво и осознанно, хотя, после двухлетних отношений, расставаться с человеком всегда больно. А вот Олежа, судя по всему, расходился со мной играючи, не считая, что это надолго, и уж точно, что не насовсем. Отдохнем друг от друга, и снова сойдёмся.

Но, как у многих мужчин, отдых от любимой женщины, у него ассоциировался с настоящим отдыхом. То есть, друзья, вечеринки, новые знакомства. С женщинами, то бишь. Больше месяца я об Олеге не слышала, он был очень занят, а потом объявился, как ни в чем не бывало. И очень удивился тому, что я его появлению не обрадовалась.

– Юля, не чуди, – басил он у меня под дверью, привлекая внимание соседей, но я дверь так и не открыла.

Олежка был неплохим. То есть, он, вообще, был хорошим. Только больше, чем было необходимо, самоуверенным

и бесшабашным. Познакомились мы с ним в фитнесс-центре, Олежа работал инструктором, имел хорошую клиентскую базу, а я пришла в зал… потому что это было одним из правил жизни в большом городе для молодой, успешной девушки. Я очень старалась такой стать. Мы познакомились, понравились друг другу. Олег, никогда не жаловавшийся на стеснительность, сходу пригласил меня в ресторан, я согласилась, и с этого начались наши отношения. Мы даже жили вместе, больше года, что и позволило мне скопить денег на первоначальный взнос для ипотеки. Не скажу, что Олежа меня обеспечивал, я всегда работала, но все основные траты он, как мужчина, брал на себя, и это позволило мне скопить определенную сумму.

Только из-за его бесшабашности мы и расстались. И от той же бесшабашности он пустился во все тяжкие, и совсем не потому, что я его бросила и не захотела понять. А потому что не смог вовремя остановиться. Закрутил роман с очередной клиенткой, которая кстати или некстати, судить не берусь, оказалась дочкой прокурора, как-то неожиданно девочка забеременела, и вот, спустя пару месяцев после нашего с Олежей окончательного расставания, он уже оказался в загсе с другой. Думаю, он сам не понял, как всё это произошло. Наверное, проснулся наутро после свадьбы, взглянул на свою молодую жену, и не с первой секунды понял, кто это.

Между прочим, явившись ко мне однажды среди ночи в пьяном состоянии, именно на это он мне и жаловался. Так

что, я ничего не придумываю. Пьяный Олег, тридцатитрехлетний мужчина весом под сто килограмм, сидел на ступеньках в моём подъезде и плакал пьяными слезами. Не понимал, как с ним такое произошло. Он женат и почти отец. Я предложила отнестись к произошедшему философски. Судя по всему, его судьба настигла.

– Знаешь, почему мы с тобой расстались? – выдал он мне тогда. – Потому что ты злая.

Прозвучало это по-детски, и спорить я не стала. Согласно кивнула, предложила вызвать ему такси и отправить к молодой супруге. Он, кстати, согласился. И вот, прошло больше года, у Олежки родился ребенок, а он всё ещё названивает мне с периодичностью раз в неделю, и чего-то хочет. Чего – я не понимаю. Я уже давным-давно с потерей смирилась. Наверное, этот факт и не даёт Олеже покоя. Как это я могу не убиваться всю оставшуюся жизнь по потерянному призу?

Находясь за рулем, я не стала отвечать на звонок. Понадеялась, что Олег позже не перезвонит, но надо знать этого твердолобого засранца. Не успела я переступить порог квартиры, как телефон зазвонил вновь. Я вздохнула и ответила. Вместо приветствия поинтересовалась:

– Разве ты не должен сейчас ужинать с супругой?

– Тебе не надоело фыркать? – подивился бывший привычным басом.

– Что ты хочешь? – задала я конкретный вопрос.

– Поговорить. Узнать, что происходит.

– Ничего хорошего, – вздохнула я, скидывая туфли с ног.

– А что случилось?

– В машине что-то тарахтит. Я еду, а оно тарахтит.

Олег хмыкнул.

– Я тебе говорил, что не нужно покупать этот хлам.

– На хлам получше у меня денег не было, – призналась я.

– Попросила бы у меня. – В его голосе прозвучали бравурные нотки. А я нос сморщила.

– Не буду я у тебя просить. Ты чужой муж, зачем мне у тебя что-то просить?

Олежа помолчал в телефон. Я заметила, что последние месяцы, как раз после рождения ребенка, он перестал мне говорить о том, что вскоре разведется. Что ничего не боится и бросит всё к чертям, только ради одного моего слова. Для себя я всё это отметила, но вслух не озвучивала. Меня это даже не царапнуло, если честно. Я ждала чего-то подобного, предчувствовала, что так и случится в итоге. А чем Олеже плохо? При молодой супруге, при тесте-прокуроре, в его жизни появились удобство, комфорт и стабильность. А ещё любовь. Ведь его молодая жена (а она, на самом деле, молодая, ей совсем недавно исполнилось двадцать лет), его практически боготворит. Какому мужчине это не понравится? Тем более, такому самолюбивому и тщеславному, как Олежа? Наверное, он подобного отношения от меня ждал, но так и не дождался. Зато теперь у него всё сложилось, совершенно неожиданно.

Непонятно одно: зачем он продолжает звонить мне?

– Юлька, ты же знаешь, что я тебе всегда помогу, – заявил он. – Только попроси.

– Олежа, ты знаешь, что я не люблю просить. Так что, спасибо, не нуждаюсь.

– Вот ты упрямая, – посетовал он. – Хорошо, я сам всё сделаю.

– Что ты сделаешь?

– Скажу Мишке, чтобы он твою колымагу красную продал, и подыскал тебе, что получше.

Предложение было хорошим. Очень заманчивым. Я замолчала, его обдумывая. Потом сказала:

– Спасибо. И я обещаю, что воспользуюсь твоей добротой. Но не сейчас.

– Почему?

– Потому что у меня денег нет. Точнее, они есть, но потрачу я их на другое.

– Опять секреты, – в досаде проговорил Олег. – Ты очень скрытная женщина, Юлька.

– Я женщина-загадка, – рассмеялась я в трубку. – Ладно, Метелкин, иди к жене. Хватит тратить на меня время, предназначенное для семьи.

– А ты чем будешь заниматься? – настороженно поинтересовался Олег.

– По мужикам пойду, – разозлилась я, и отключила телефон.

В квартире было тихо. Я положила телефон на кухонный стол и замерла в этой тишине. Вот вроде бы, квартира у меня настолько маленькая, что, где не встань, отовсюду видно каждый уголок, как здесь может быть одиноко? А на душе было тоскливо. Я вышла на балкон и посмотрела на город с высоты семнадцатого этажа.

«Моя собственность – это клетушка в тридцать два квадратных метра на высоте птичьего полёта», пронеслось у меня в голове. И стало ещё печальнее.

Я вернулась в комнату, взглянула на часы, затем потянулась за телефоном. Набрала номер Алёны.

– Твоё предложение ещё актуально? – спросила я.

– Какое? – растерялась Алёна от моего решительного тона.

– Сходить куда-нибудь. Хочу бокал вина и потанцевать.

– А-а, – протянула подружка, и голос её зазвучал лукаво. – Я всегда «за». Где встречаемся и во сколько?

Мы договорились с Алёной встретиться через два часа в любимом баре, и я распахнула дверцу встроенного шкафа, окинула взглядом ряд своих нарядов. Этим вечером хочется быть красивой и эффектной. Чтобы перестать чувствовать себя ущербной и неправильной после официального письма, полученного утром. Где черным по белому мне в очередной раз сообщили, что я недостойна.

– Ты одна? – спросила я подружку, когда встретилась с ней у входа в бар. Я вышла из такси, а Алёнка уже была там,

болтала со знакомым охранником.

Она легко отмахнулась.

– Вадик подъедет попозже. Или не подъедет. Зависит от моего настроения.

Я улыбнулась.

– Понятно. Ты решила поохотиться?

Алёна отступила от меня на шаг, окинула выразительным взглядом.

– А ты?

Я плечом неопределённо дёрнула, после чего сказала:

– Хочу отвлечься.

– А вот это правильно. – Алена подхватила меня под руку, и мы направились к входу. – Будем отдыхать.

В баре было многолюдно. Место было популярным, а вечер пятницы многим не хотелось проводить дома. Мы с Алёной заняли места у бара, заказали себе коктейли и принялись оглядываться, выискивая глазами знакомые лица.

– О, Иринка из «Технологий»! – Алёна принялась махать рукой какой-то высоченной девице со странным цветом волос по другую сторону барной стойки.

А я сказала, сделав глоток яркого коктейля:

– Метелкин опять звонил.

Алена перевела на меня заинтересованный взгляд.

– Чего хочет?

– Предлагает машину мне купить, – пошутила я. А Алёна схватила меня за руку.

– Ты же не отказалась?

Я глаза на подружку вытаращила.

– Алён, ты с ума сошла? Конечно, отказалась.

Её пальцы разжались.

– Ну и дура. Он тебе должен, между прочим.

– Что он мне должен?

– Возместить моральный ущерб, хотя бы.

Я пренебрежительно фыркнула.

– Пусть себе оставит. Мне только разборок с его женой и тестем не хватает.

Я пристроила локоток на барной стойке, расправила плечи и сделала глубокий вдох. Грудь в вырезе декольте на кофточке в обтяжку, призывно приподнялась. Я сделала это не нарочно, на самом деле захотелось вздохнуть, но чего я совсем не ожидала, так это того, что в этот момент, между мной и Алёнкой возникнет мужская рука, потянется за бокалом с виски, что налил бармен. И моя грудь совершенно неожиданно мужской руки коснулась. Всё произошло настолько стремительно, что я в первый момент испуганно отпрянула, глаза на лицо мужчины подняла, и растерянно моргнула.

– Извините, – произнёс игривый баритон, вот только в его голосе ни единого намека на искреннее извинение не прозвучало.

Я ещё отодвинулась, насколько было возможно, потому что людей у бара значительно прибавилось, все шумели

и толкались.

– Извиняю, – проговорила я негромко, уворачиваясь от мужского взгляда.

Между прочим, глаза у нахала были красивые. Карие с медовой поволокой. Не знаю, как я это рассмотрела за секунду, а, может быть, придумала себе это, от волнения, но его взгляд заставил меня внутренне встряхнуться.

Мужчина забрал бокал, но отходить не спешил. Стоял и смотрел, причем, на меня.

– Вы ещё раз хотите извиниться? – заинтересовалась я, не выдержав столь пристального внимания.

Он рассмеялся. Смех был приятным и глубоким, и я невольно присмотрелась к незнакомцу внимательнее. Высокий, худой, но плечи широкие и руки сильные. Короткая стрижка, высокие скулы, очень-очень красивые глаза и подбородок с ямочкой. Я подумала, подумала и улыбнулась незнакомцу. А он в ответ на мою улыбку, снова рассмеялся.

– Не хочу больше извиняться, – сказал он. – Хочу познакомиться. Павел.

Пока он жал руку Алёне, пока она ему представлялась, я продолжала нового знакомого разглядывать.

– Значит, Алёна и Юля, – проговорил он, приглядываясь к нам.

Я невольно нахмурилась. Я своего имени не называла, не успела.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Он хлопнул на меня длинными ресницами.

– Слышал, как подруга к тебе обращалась.

Что ж, это было приемлемым объяснением. Но меня всё равно царапнуло непонятное подозрение, но мне не дали его обдумать.

– Ещё по коктейлю, девочки? – предложил новый знакомый, и Алёна благосклонно согласилась, и за меня, и за себя.

Вскоре от барной стойки мы переместились за столик Павла. Он был за ним один, ни друзей, ни товарищей, и это показалось мне странным. Я даже намекнула на эту самую странность вслух.

– Я недавно в этом городе, – ответил новый знакомый с открытой улыбкой. – Хороших друзей завести еще не успел.

– И чем же вы у нас в городе занимаетесь, Павел? – чрезвычайно заинтересовалась Алён.

Павел пожал плечами.

– Торгую потихоньку.

– Водочкой-колбаской?

Я кинула на подругу веселый, но в то же время предостерегающий взгляд.

– Да нет, скорее, деревяшками и цементом.

Алёна непонимающе сдвинула брови.

– Лесом, что ли?

– Да Господь с вами, – посмеялся Павел. – Стройматериалами.

– А-а, хорошее начинание. А прибыли откуда?

– Издалека. С Урала.

– О-о, – Алёна развернулась ко мне и в переизбытке чувств схватила меня за руку. – Юль, говорят, что в Сибири и на Урале только настоящие мужчины и остались.

Я на Павла посмотрела, мы встретились с ним глазами. Я смотрела, смотрела в его темные глаза, после чего проговорила:

– Вот и проверим.

Наверное, моё заявление прозвучало достаточно провокационно, потому что во взгляде Павла едва ли не огонь вспыхнул. Или это был отблеск светомузыки? Но на меня впечатление определенно произвело. У меня даже внутри что-то дрогнуло. Что-то волнующее, какое-то предвкушение и ожидание. Давно не помню за собой таких эмоций по отношению к мужчине. Жара, прокатывающегося по телу от одного только пристального взгляда, я давно не испытывала.

Разговор шёл неспешный, приятный, правда, Алёна больше болтала без умолку, а я наблюдала. Подруга любила новые знакомства, ей всё было интересно и любопытно, Алёна с лёгкостью вливалась в любую компанию, находила общий язык с незнакомыми людьми, а у меня быть непосредственной, как она, получалось только под настроение. Я предпочитала для начала понаблюдать.

В какой-то момент, я даже не поняла, в какой именно и откуда он взялся, появился ещё молодой мужчина, и оказалось, что это тот самый Вадим, которого Алёна вот уже второй

месяц пытается дрессировать, а тот, надо сказать, не особо и сопротивляется. Что и не удивительно, Вадик, находясь рядом со своей возлюбленной, откровенно той уступал. И внешне, и энергетически, Алёна на его фоне выглядела настоящей звездой. Которая искрила, озаряла и вдохновляла. А Вадим, при его достаточно среднем росте, округлой фигуре и флегматичном характере, явно проигрывал, но зато смотрел на мою подругу влюблёнными глазами.

– Пойдём танцевать. – Павел неожиданно оказался рядом со мной, решительно взял за руку и потянул меня на танцпол. Ведущий со сцены объявил медленный танец, и я тут же оказалась в мужских, довольно крепких объятиях.

Первый танец с мужчиной, особенно, с мужчиной, который тебе определенно нравится, всегда вызывает внутреннее волнение. Первая близость, первое прикосновение рук. Я старалась не смотреть Павлу в глаза, а про себя гадала: как я выгляжу со стороны? Достаточно ли притягательно? Но, судя по тому, как крепко его руки обняли меня, притягательна я была. Этому следовало порадоваться. Мужская реакция всегда поднимает женскую самооценку.

Я буквально физически ощущала пристальный взгляд. Павел меня разглядывал, и даже не пытался этого скрыть. А мне отчего-то не хватало смелости встретить его взгляд и выяснить, чего же в нём больше намешано – заинтересованности или пустого желания. Быть желанной, вызывать интерес, притягивать мужские взгляды – всё это вызывает

в женщине всплеск удовлетворения, приятно чувствовать себя красивой и привлекательной. Но когда мужчина тебе нравится, увидеть в его глазах лишь похоть, неприятно. Цель вроде как и достигнута, но в то же время ты хочешь куда большего, а ты понимаешь, что ты не в сфере его истинных интересов.

Павел склонился ко мне, и я услышала его голос над своим ухом:

– Ты очень красивая.

Тоже мне, открытие. То, что я красивая, мне давно рассказали. Дело же не в красоте.

Я всё-таки подняла глаза к его лицу. Выдала шикарную, но ничего не значащую улыбку.

– Спасибо.

Музыка играла красивая, Павел развернул меня в танце, и я за его плечом увидела наш столик и Алёну, которая старательно подавала мне ободряющие знаки. Я нетерпеливо махнула на подружку рукой. Наверное, Павел почувствовал моё движение рукой, потому что тоже оглянулся. Я услышала, как он понимающе хмыкнул.

– Твоя подружка даёт добро?

Я решила притвориться непонимающей.

– На что?

Мы встретились глазами.

– На мою кандидатуру.

– А мне, по-твоему, нужно чьё-то одобрение?

Он пожал плечами, приглядываясь ко мне.

– Не знаю. Вы, женщины, существа странные и непонятные.

– Ах, вот как, – усмехнулась я. И передразнила его высокомерный тон: – Мы, женщины…

– Я что-то не так сказал?

– Да нет. – В дискуссию вступать не хотелось.

Наверное, Павел это понял, поэтому решил сменить тему. Спросил:

– Чем ты занимаешься?

– У меня совершенно банальная, подходящая для женщины, работа, – порадовала я его. – Я секретарша.

– Ты обиделась, – догадался он.

Я же в ответ качнула головой.

– Нет. Зачем я буду обижаться на незнакомого человека. Меня не должны заботить твои суждения. Пусть это заботит твою жену.

– Я говорил, что женат?

– Я предполагаю.

– Почему?

– Такое часто бывает. Мужчины часто сбегают от семейной рутины в подобные заведения.

– А женщины?

– Женщины поступают наоборот. Кстати, это глупо. Мы, выбрав себе мужа, сосредотачиваемся на семейной жизни. А не мешало бы иногда вот так же отвлекаться.

Павел слушал меня и улыбался. Затем проговорил:

– Ну, во-первых, не все женщины столь порядочны, как ты мне рассказываешь. А, во-вторых, у меня нет жены.

– Даже не знаю, порадоваться за тебя или всё-таки посочувствовать.

– Юля, ты язва, – обвинил он со смешком.

Я же безразлично пожала плечами в ответ на это заявление. Или обвинение.

– А что ты здесь ищешь? – спросил он.

– Ищу? – переспросила я. Качнула головой. – Ничего не ищу. Отдыхаю.

– У тебя тяжелая работа? Начальник – тиран?

– Начальник у меня замечательный.

– А жизнь трудная, – подсказал Павел.

Я стукнула его кулаком по плечу. Предупредила:

– Не смейся.

– Я не смеюсь. Предполагаю. Кстати, на твоей внешности все жизненные тяготы не сказываются. – Я промолчала, и Павел пояснил: – Это комплимент.

– Правда? Что ж, спасибо, приятно.

Он всё-таки рассмеялся. Притянул меня ближе к себе, точнее, его ладонь, что лежала на моей талии, придвинула меня к его телу, достаточно тесно. Это было откровенно, и даже излишне, и мы оба это понимали. Посмотрели друг другу в глаза, я с предостережением и открытым намеком, а Павел на меня с нахальством. И хватку ослабить не поду-

мал.

Он снова меня разглядывал. Затем его рука неожиданно поднялась, и палец подхватил волнистую прядь моих волос. А Павел сказал:

– Люблю брюнеток. Ты натуральная брюнетка?

– Натуральная. И глаза у меня зеленые, – сообщила я ему. – В общем, я натуральная ведьма.

Его губы скривились в усмешке.

– Заманчиво, – проговорил он.

Медленная музыка закончилась, и я решила не оставаться на танцплощадке, решительно отстранилась и направилась обратно к столу. Алёнка встретила меня проникновенным взглядом, но я решила его проигнорировать. Села, а Павел присел рядом со мной, куда ближе, чем сидел до этого. Я бедром чувствовала его бедро.

– Выпьем? – браво предложил он, а я аккуратно за ним наблюдала.

Черт возьми, он мне нравился. Я наблюдала за ним, и вся моя интуиция бунтовала против этого мужчины, а это верный знак к тому, что связываться с ним не стоит. Потанцевать, повеселиться, а затем быстренько свернуть знакомство и бежать. Бежать сломя голову.

Высокий, худой, подтянутый, с правильными чертами лица. С проницательным, очень глубоким взглядом. С лёгкой щетиной на щеках. С приятной, заразительной улыбкой и глубоким смехом. После нашего возвращения к столу, Па-

вел, казалось бы, перестал обращать на меня внимание. Общался с Алёной и Вадимом, они что-то обсуждали втроем, смеялись, а я всё больше молчала, и только чувствовала его рядом. Он так и не отодвинулся, временами касался рукой моего локтя или колена, вроде бы случайно, но со стороны это выглядело так, будто в наших с ним прикосновениях не было ничего особенного. Будто так и должно быть, словно всё привычно. А у меня внутри каждый раз что-то гулко ухало. И я понимала, что это сердце.

Что с ним, вообще, творится, с моим сердцем?

Хотя, какое, к черту, сердце? Права Алёнка, я слишком долго была одна. С Олежкой мы расстались больше года назад, и я долго даже не задумывалась о том, чтобы устроить свою личную жизнь. Метелкин вон полной жизнью живет, у него, наверное, от всех событий и перемен, голова кругом. Он за это время и жениться успел, и ребенка родить, в общем, окунулся в новые отношения не только с головой, но, судя по всему, вынырнуть никак не может. Утопает в счастье. А я, наблюдая за тем, что происходит в его жизни, сосредоточилась на своих проблемах. И ни о каких мужчинах думать не хотела. И, как оказалось, отвыкла настолько, что первое же знакомство выбило меня из колеи. Начинаю придумывать то, чего нет.

– Расслабься, – подергала меня за руку Алёнка в дамской комнате. – Перестань нагружать свой мозг. Просто отдохни.

Я сделала глубокий вдох, посмотрела в глаза своему отра-

жению, и, в конце концов, решительно кивнула. Повторила за подружкой:

– Расслабиться.

– Вот именно.

Не знаю, что имела в виду Алёнка, хотя, подозреваю, что именно это, но спустя пару часов я расслабилась настолько, что оказалась в каком-то темном углу, целующейся с новым знакомым. И поцелуй этот показался мне настолько упоительным, настолько будоражащим, что я забыла сказать себе, хотя бы мысленно, что я этого человека совсем не знаю. А целоваться по ночным клубам с незнакомыми мужиками – это откровенный моветон. У меня хоть и не было бабушки, которая бы меня этим прописным истинам научила, но я сама их выучила к своим тридцати годам. Выучить выучила, а сегодня ими воспользоваться, получается, позабыла.

А потом прозвучали те самые слова:

– Поедем ко мне.

И я, будто загипнотизированная, взяла с дивана свою сумку, и пошла за Павлом через зал. Он крепко держал меня за руку, и мы уходили из клуба, а в голове у меня музыка, приятное кружение и единственное желание – чтобы он снова меня поцеловал.

Как-то сильно я расслабилась. Определенно. Вот только эта здравая мысль посетит меня лишь наутро.

Он снова меня поцеловал. Ещё на улице, у выхода из клуба, потом в такси. Мы куда-то ехали, но совсем недолго. А я

делала один глубокий вдох за другим, и всё это между долгими, дразнящими поцелуями, и головой понимала, что за поцелуями последует, но отчего-то не протестовала. Поднимаясь на лифте в квартиру Павла, я на минуту прижалась спиной к прохладной стене кабины, и в тот момент ко мне пришло отрезвление. Не от алкоголя, а от сексуального напряжения. И я подумала о том, что именно сейчас я могу всё остановить, могу передумать и уйти. Потому что никакого «позже» уже не будет, но Павел снова повернулся ко мне, сделал шаг, придвинулся, склонился ко мне, и будто загородил от меня весь мир. Я смотрела в его лицо, чувствовала нервозность, но в то же время понимала, что уходить не хочу. Будь, что будет. В конце концов, скорее всего, мы с ним больше не увидимся. Случайное знакомство в ночном клубе. У кого такого не было? И в большинстве случаев, никакого развития такие знакомства не получают.

Но я ведь пришла в клуб не за этим…

Пришла не за этим, но отказаться почему-то не могу.

Он даже свет в прихожей не включил. Открыл дверь, втянул меня в квартиру, в полную темноту, и тут же притиснул меня к стене. Входная дверь захлопнулась, и темнота стала полной. Я только чувствовала сильные пальцы, которые обхватили мою голову, запутались в волосах, возбужденное мужское дыхание, которое сначала коснулось моих щёк, затем губ, и вот уже мой рот закрыли поцелуем.

Темнота сама по себе действует возбуждающе. Я потеря-

лась в одно мгновение. В темноте, в тишине, в поцелуе. Да ещё такой напор, такая настойчивость, такое открытое возбуждение. Когда твоё тело ласкают страстно, поспешно, когда шепчут на ухо о том, как ты великолепна. Я старалась прижаться к мужчине сильнее, отвечать на все его поцелуи и смелые прикосновения, мы стонали, что-то шептали друг другу. В моей голове не было ни одной четкой мысли, я вся сосредоточилась на удовольствии. И мне, на самом деле, было хорошо.

А обо всём остальном, о проблемах и своём моральном падении, я подумаю завтра.

ГЛАВА 2

Утром я открыла глаза, и какую-то долю секунды пыталась понять, где я нахожусь. Взгляд прошелся по стенам незнакомой комнаты, по картинам, по дверцам огромного встроенного шкафа, по подножию широкой кровати, на которой я лежала.

Лежала не одна.

Я повернула голову, посмотрела на мужчину рядом, и тут же все вспомнила. И захотелось выругаться. Надо же быть настолько легкомысленной. Вот только, что сделано, то сделано.

Я переспала с первым встречным мужиком. Здорово.

Павел спал, повернувшись ко мне спиной. Дышал ровно, и просыпаться, кажется, не собирался. Этим стоило воспользоваться. Я осторожно пошевелилась, потом села на постели. А сама все присматривалась к Павлу. Я бы предпочла уйти молча, пока он спит. Чтобы не встречаться с ним глазами, ничего не говорить. Чтобы не придумывать, что сказать незнакомому человеку. Секс, знаете ли, близкими людьми не делает, душу человека не открывает. Одна сплошная неловкость.

Мое нижнее белье валялось на полу, у кровати. Что ж, хотя бы не разыскивать его по чужой квартире.

– Ты проснулась?

Мужской голос застал меня как раз в тот момент, когда я торопливо застегивала бюстгальтер. Мои пальцы замерли, я осторожно оглянулась через плечо. На меня смотрели внимательные карие глаза.

– Привет, – брякнула я.

– Привет, – отозвался Павел.

Разглядывал меня. Он снова меня разглядывал, причём, с любопытством.

– Который час?

Понятия не имею, который час. Я беспомощно оглянулась, выискивая взглядом часы. А Павел неожиданно улыбнулся. И поинтересовался:

– Ты сбегаешь?

– Нет, – тут же отказалась я. – Просто мне надо идти.

– Понятно, – протянул он. Перевернулся на спину, заложил одну руку за голову, продолжая на меня смотреть. А я окинула взглядом пол в комнате. Платья моего не было, как не было. Захотелось вздохнуть от неловкости.

– Мне, правда, надо идти, – зачем-то принялась я оправдываться. – У меня планы.

– Серьезные?

– Да. Я… уезжаю на выходные.

– Понятно.

– Тороплюсь.

– Я уже понял.

Я заставила себя остановиться, вздохнула. И взглянула

на Павла со всей серьезностью, затем руками развела. И призналась:

– Я не знаю, как себя вести.

– Ты никогда не просыпалась поутру неизвестно где и с кем? – переспросил он, и я не поняла до конца, шутит он или говорит серьезно. Поэтому честно сказала:

– Нет. Обычно я не теряю голову.

Кажется, мои слова пришлись ему по душе. Павел сел на постели, привалился спиной к спинке кровати. Смотрел на меня смеющимися глазами.

– А со мной, значит, потеряла?

А вот его бравада мне не понравилась. Поэтому я твердо заявила:

– Я слишком много выпила. А сейчас я собираюсь одеться и уйти. Потому что у меня совершенно нет времени.

Я из спальни вышла, в поисках своего потерянного платья. Нашлось оно в большой комнате, небрежно свисало с подлокотника дивана. Я нетерпеливо его подхватила, торопясь одеться.

– Юля.

Я снова обернулась на его голос. Павел стоял в дверях спальни, в домашних шортах, и смотрел на меня. Насмешки в его взгляде заметно поубавилось.

– Я тебя ничем не обидел?

Вопрос показался мне странным. Я качнула головой.

– Нет. Просто… сама ситуация.

Павел дернул плечом, продолжая ко мне присматриваться. Я не понимала, почему он всё время меня разглядывает. Будто пытается высмотреть что-то, только ему ведомое.

– Бывает, – сказал он. – Не расстраивайся из-за этого.

– Это с мужчинами бывает, – проговорила я недовольно. – А с женщинами лучше бы не случалось.

Он улыбнулся и неожиданно шагнул ко мне. Его рука потянулась ко мне, и притянула меня ближе к его телу. Я подобного поступка совершенно не ожидала, растерялась, и позволила ему себя обнять.

– Не переживай, – повторил он своё глупое утешение. – Останешься на завтрак?

Судя по всему, это признание того, что он не считает меня клубной падшей женщиной. Проституток, прости господи, обычно на завтрак не оставляют.

Я внутренне немного расслабилась, отступила от Павла, но достаточно мягко. Головой качнула.

– Нет. – И тут же пояснила: – Я, правда, не могу. Мне, правда, нужно уехать на выходные.

Павел сверлил меня проницательным взглядом.

– Хорошо, я тебе верю.

Вот спасибо!

Я отошла на несколько шагов, дернула молнию на платье вверх. Если честно, мне не терпелось уйти. Павел же сел в кресло, устроился на нём с удобством, вытянул длинные ноги, и, не скрывая улыбки, наблюдал за моими суетливыми

сборами.

– Телефон свой не оставишь? – поинтересовался он.

Я в растерянности замерла перед ним, уже готовая направиться к выходу. Осторожно, в сомнении, кивнула.

– Конечно.

Я принялась диктовать Павлу телефонный номер, он забивал его в список контактов своего смартфона, а я проговаривала каждую цифру, а сама к мужчине, с которым меня совершенно неожиданно связала прошлая ночь, приглядывалась. И, конечно, у меня была возможность соврать ему. Неправильно назвать всего одну цифру, и мы, наверное, больше никогда бы с Павлом не встретились. Но я смотрела на него, вспоминала вечер нашего знакомства, наши с ним разговоры, то, с каким удовольствием я занималась с ним любовью едва ли не до самого утра, и мой язык сам собой выболтал правдивые цифры. А сердце, при осознании этого, пустилось в взволнованный пляс.

А чем черт не шутит? Вдруг эта случайная встреча что-то да значит.

– Я позвоню, – сказал он.

– Позвони, – согласилась я, и мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы перестать таращиться на него во все глаза. Я смотрела на Павла, и чувствовала, понимала, ощущала, что что-то случилось, что-то изменилось в моей жизни в эту ночь, только я ещё не понимаю, что именно.

Глупые, женские мысли.

Из квартиры Павла я практически вывалилась на ватных, негнущихся ногах. Вот так натворишь глупостей, а потом поражаешься, куда подевалось твоё трезвое мышление и способность твердо стоять на ногах.

Оказывается, жил Павел недалеко от центра. Хороший район, сплошь новостройки с затейливой архитектурной задумкой, закрытой территорией и охраной. За периметром одна короткая улочка с частными, ухоженными домиками, и вот я уже на шумном проспекте. Рядом стоянка такси, я села в ближайшую машину, назвала свой адрес, и, наконец, выдохнула. Ощущение, что марафон пробежала. Сердце стучало, как сумасшедшее.

– Ты сдурела, отпускать меня в ночь с незнакомым мужиком? – накинулась я на Алёнку, дозвонившись до неё.

Подружка в ответ искренне удивилась.

– Какой же он незнакомый? Это же Павел, он и с Вадиком вчера подружился.

– Алёна, ты серьёзно?

– Конечно. А что случилось?

– То, что он вполне мог оказаться маньяком и убийцей.

Алёнка весело фыркнула в трубку.

– Не оказался же. Не побил, и не убил. Уверена, что ты вполне довольна прошлой ночью.

– Ты не исправима, – пожаловалась я.

– Юль, да успокойся ты. Тебе нужно было расслабиться. А тут хороший мужик попался. В кои-то веки.

– Откуда ты знаешь, что он хороший?

– Он у тебя номер телефона попросил?

– Попросил.

– Вот видишь. Значит, хороший. Иначе выставил бы за дверь, и думать про тебя забыл. А этот ответственный.

– Я иногда слушаю тебя и поражаюсь: в каком магазине ты свои мозги оставила?

– Да ладно тебе, не злись. Вы так хорошо смотрелись вместе, и под конец вечера по вам обоим было видно, что вам не терпится добраться до койки. Я что, по-твоему, тебе враг? Тебе хоть хорошо было?

– Это здесь при чем?

– Да при всем, Юль.

Я вздохнула, посмотрела в окно. Негромко созналась:

– Хорошо.

– Так это замечательно.

– Алена, ничего замечательного в этом нет. Он, может, на самом деле, нормальный мужик, а что он теперь обо мне подумает?

– Если нормальный, ничего плохого не подумает. Встретитесь потом, поговорите, объяснишь ему…

– Что?

– Что давно одна, что заскучала, а он тебе так понравился, так понравился!..

– Дура.

– Вот опять я дура! А ведь я тебе правильные вещи гово-

рю!

Я глаза закрыла, потерла лоб.

– Ладно, у меня нет времени обо всём этом думать. Доберусь до дома, приму душ и поеду в Борск. Увидимся в понедельник.

– Удачи тебе… там, – многозначительно проговорила Алёна. Я с подругой согласилась, что удача мне совсем не помешает, попрощалась с ней и разговор закончила. Заметила, что таксист таращится на меня через зеркало заднего вида. Он, судя по всему, с интересом прислушивался к моему телефонному разговору. Я встретила его взгляд через зеркало и с вызовом поинтересовалась:

– Что?

Мужчина тут же отвернулся, стал смотреть на дорогу.

В дорогу я собралась за час. Привела себя в порядок, позавтракала на скорую руку, собрала пакеты с прикупленными продуктами и некоторыми товарами. Алёнка, да и я сама, ругала себя за то, что трачусь на людей, которым совершенно нет никакого дела, приеду я или нет, но с пустыми руками приехать не могла. То ли совесть не позволяла, то ли воспоминание о глазах родных племянников, которые ждали от меня гостинцев. Хоть какое-то яркое пятно в их безрадостном детстве.

До Борска я доехала за пару часов, то есть, в полдень я уже ехала по главной улице маленького городка на своей фырчащей машинке. Машину я свою любила, она была малень-

кая, красная, смахивала на спортивную модель, вот только год выпуска меня не радовал. Я и без того купила её, можно сказать, старушкой, а сейчас она и вовсе состарилась, и кряхтела и вздыхала печально во время езды, чем сильно меня беспокоила.

В Борске я родилась и выросла, перебралась в Нижний Новгород практически в двадцатитрехлетнем возрасте. И, если раньше, мне казалось, что моя жизнь в этом городке, полная и насыщенная, то после переезда в Нижний, каждый мой визит сюда, меня посещала мысль о том, что жизнь на этих улицах практически не движется. Те же дома, те же фасады, даже вывески на магазинах менялись крайне редко. Минимум машин, люди, которых вечером, даже в центре города, было практически не увидеть. Вечера все предпочитали проводить дома, как в любой деревне. Несколько маленьких, семейных кафе на центральной площади, единственный сетевой супермаркет на весь городок, с десяток магазинчиков со всякой всячиной, и причал на берегу Волги, где останавливались теплоходы с туристами. И то, особых достопримечательностей в нашем городке не было, туристов привозили погулять по живописному берегу реки, перекусить в кафе с домашней кухней, и прикупить для себя сувениров и что-то из народного промысла. «Промышляло» у нас, кстати, большинство взрослого населения городка. Ловили и коптили рыбу, мастерили какие-то поделки, варили и продавали туристам варенье и джемы. Тем и жили. Потому

что из всего производства в Борске – пара ферм, лесопилка да несколько провинциальных гостиниц, в основном, для любителей той же рыбной ловли. Люди в городке жили старомодные, непритязательные, любящие обсудить и надавать советов, как кумушки на лавочке. Каждое моё возвращение в родной городок уничтожало кучу нервных клеток в моём организме, но я продолжала возвращаться сюда регулярно.

Я припарковала машину на главной площади, решила выпить кофе, прежде чем приехать к матери. Знала, что у мамы в доме кофе днем с огнем не сыщешь. Сколько бы я его не покупала и не прятала в своей комнате, к моему очередному приезду, ничего не оставалось. А без меня покупать лишние продукты никому в голову не приходило. Я из машины вышла, окинула окрестности взглядом. Скука и серость. Даже вывески магазинов смотрелись безрадостно и старомодно. Вот, например, самый популярный среди женщин магазин одежды в городке назывался: «Модница». Витрину имел наискучнейшую, и неоновая вывеска его совершенно не спасала. Да и вещи там продавались соответствующие настроению его жителей.

У новой жены моего бывшего мужа не было ни вкуса, ни жизненного огня. И её магазин полностью её характеру соответствовал.

Я стояла у высокой балюстрады советского периода, пила кофе из картонного стаканчика, и смотрела на витрину её магазина через дорогу. Ничего не могла с собой поделать,

смотрела и чувствовала, как ненавижу сам магазин и его владелицу каждой клеточкой своей души.

– Здравствуй, Юля.

Я очнулась от своих мыслей, моргнула, посмотрела на прошедшую мимо женщину. Соседка по подъезду в нашем старом доме, точнее, в бараке. До моих пятнадцати лет мы проживали в деревянном бараке на окраине городка. Переехали в относительно новый дом после того, как маме выделили квартиру большей площади по многодетности. Мы переехали, но новых друзей и знакомых нам заводить не пришлось. В нашем городке практически все друг друга знали, либо находились в родстве. Нигде не спрячешься, новую жизнь не начнешь. Поэтому, в своё время, я отсюда и сбежала. Выбор у меня был небольшой: либо поставить на своём будущем жирный крест, либо уезжать в никуда. Я выбрала второй путь, хотя, решиться было очень трудно.

За семь лет жизни в Нижнем Новгороде, я добилась немалого. Я нашла себе хорошую работу, я взяла в ипотеку квартиру, хоть и совсем крошечную, я вот машину себе прикупила и стала авто-леди, как мы любим с Аленкой смеяться. Но возвращаясь в свой городок, выходя из машины на улицу, я каждый раз чувствую, что прошлое обрушивается на меня всем своим огромным весом и попорченной репутацией. Потому что моим знакомым в Борске абсолютно безразлично, чего и где я добилась. Они считают, что знают о моей жизни всё в подробностях, и подробности эти грязные и непотреб-

ные. Люди на улицах со мной здороваются, даже улыбаются мне в глаза, а сами пытливо приглядываются, уверенные, что я никак не могла измениться. Что я всё та же – дочка Ленки Махорки. А яблоко от яблони, как говорится, далеко не падает. Хоть как его не приукрась и в какую машину не посади.

– Здравствуйте, тётя Маша, – проговорила я в ответ.

Женщина на ходу обернулась на меня, окинула внимательным взглядом.

– Навестить решила?

– Да, – коротко ответила я.

– Ну, ну. Мать твою вчера видела. Хлеб в магазине покупала.

Судя по всему, моя мама кроме хлеба в магазине ничего и не покупает. Никогда. Даже в моём детстве, дома всегда был хлеб, ну и банка варенья, если кто принесет. Это был завтрак, обед и ужин.

Я молча кивнула в ответ на слова соседки. Выбросила стаканчик с недопитым кофе в урну и направилась обратно к своей машине.

О своём приезде я никого не предупреждала. Никогда этого не делала, просто потому, что вряд ли бы кто этой информацией озаботился, стал бы меня поджидать и к моему приезду готовиться. Такая уж у меня замечательная семья – всем на всех наплевать. Мама вечно занята, и не делами и работой, как вы могли бы подумать. У моей любимой мамы, сколько я себя помню, заботы были всегда одни и те же – му-

жики. То есть, не во множественном числе, моя мама женщина порядочная, как она сама про себя говорит. Мужик у неё всегда был один, которого она беззаветно любила и отдавала ему всю себя без остатка. Вот только этот самый «мужик» частенько менялся. Один сменял другого, тот третьего, в общем, ещё в своей юности я потеряла счет маминым влюбленностям. И, честно, долго не понимала, от чего её ухажёры без конца сбегают. Мама моя была женщиной очень красивой, она всю себя готова была отдать ради похвалы любимого мужчины, никогда и никого не ставила выше его решения и желания. Даже о своих детях, а нас у мамы трое, не заботилась так, как о них. Но личная жизнь у неё никак не клеилась. Мама влюблялась, окрылялась, порой выходила замуж, а когда очередной мужчина её оставлял, страдала, рыдала и плакала. И всё это от души и от чистого сердца. Подозревать её в притворстве или меркантильности никому и в голову не приходило. Ни от одного маминого брака – будь то официальный или гражданский, в нашем доме ничего не прибавлялось. Ну, кроме очередного ребенка. Мама как-то умудрялась выбирать на роль своего очередного героя мужчин, так скажем, ничем не примечательных, особенно совестью и моралью не наделенных. Пришли, пожили, надоело – ушли.

В кругу моих друзей детства, а прошло оно в рабочем бараке, нередко родители, даже мамы, выпивали, вели аморальный образ жизни, за моими друзьями следили органы опеки, некоторых даже забирали в детский дом на какое-то

время. В нашей же семье ничего подобного не происходило. Моя мама никогда не была подвержена вредным привычкам, не пила и не курила. Она всегда следила за собой, и мужчины на улице оборачивались ей вслед. До сих пор оборачиваются, хотя, маме почти пятьдесят. Но на свой возраст она не выглядит, цветет, пахнет и мечтает о настоящей любви и принце, как и тридцать лет назад. Но сказать, что моё детство чем-то отличалось от детства моих друзей из неблагополучных семей, как-то не получалось. Если их родители не следили за ними, не кормили и забывали одевать на очередной сезон из-за того, что благополучно пропивали все заработанные и без того маленькие деньги, то моя мама… моя мама попросту не задумывалась о таких мелочах, как одежда и хлеб насущный для детей. У неё всегда был объект обожания, на котором следовало сосредоточиться. Объект в брюках и с наглой ухмылкой. Который возлежал на нашем диване и ел продукты из нашего холодильника, даже не задумываясь о том, что его хоть иногда надо теми же самыми продуктами заполнять. Это была обязанность мамы – кормить своего мужчину. А мы с сестрой (брат если и родился к тому времени, то был совсем малышом), ловили возможность, когда можно было нормально поесть. Нужно было улучить момент, чтобы проснуться раньше очередного маминого воздыхателя, и съесть то, что он ещё не съел. А если не получалось, то в холодильнике всегда был хлеб. Его мама покупала в избытке. Видимо, верила, что хлеб – всему голова.

Со времен моего отрочества и юности прошло достаточно лет. Я выросла, сестра старшая успела выйти замуж и родить своих троих детей, младший брат в следующем году станет совершеннолетним, но наша мама так и не смогла найти счастья и душевного покоя, встретить своего принца, которого беззаветно ждала многие годы и искала в каждом встречном – поперечном мужчине. В свои года она до сих пор ждет и ищет. И мне, признаться, её жаль. Были времена, когда я ей верила, потом перестала понимать, затем злилась на её безответственность и наивность, а сейчас мне её жаль. Я понимаю, что мама не изменится. Без поиска своего идеала её жизнь станет бессмысленной. Мама не представляла свою жизнь в одиночестве, без мужского плеча рядом. И совсем не важно, что плечо это зачастую слабое и сутулое в плане житейских надобностей, главное, чтобы оно было. Главное, чтобы было о ком говорить соседкам и подружкам:

– А вот мой Толик!..

Сереженька, Андрюша, Васенька, Витенька!.. Это только те имена, которые я могу вспомнить мгновенно, которые оставили хоть какой-то след в моей памяти. С тех пор, как я переехала в Нижний Новгород, я стараюсь не заострять внимание на личной жизни матери, лишняя головная боль.

Когда я приезжала в последний раз, а было это около месяца назад, у мамы случился временный застой в личной жизни, и она заметно грустила. Светлой такой грустью в ожидании новой любви. С того момента, когда предыдущий

«принц» сделал от неё ноги, прошло несколько недель, мама уже успела отстрадать и отплакать, пережить потерю, и теперь готовилась к следующей судьбоносной встрече, вздыхала и с ожиданием поглядывала по сторонам. Надеюсь, что момент передышки ещё не закончился, и я успею проскочить. Если появлюсь еще через месяц, вполне возможно, мама уже будет примерять фату. Замужем официально мама побывала трижды, и каждый раз на церемонию бракосочетания надевала одну и ту же фату. Платья меняла, а фату нет. Странно, что она не задумалась о том, что эта деталь её каждого свадебного наряда несет в себе негативную энергетику. Существует же накопительный эффект. Помнится, когда я собралась замуж, мама убеждала меня примерить её фату к своему свадебному платью, а я отказывалась, как могла, вплоть до скандала. Фату я не надела, правда, от этого мой брак счастливее не стал, а затем и распался со скандалом. Но не суть. И, скорее всего, дело совсем не в фате, дело в маме, но я эту белую тряпку люто ненавидела.

Дверь в отчий дом, как всегда оказалась не заперта. Мама никогда дверь не запирала, наверное, верила, что счастье войдет, не постучавшись. Эта привычка осталась ещё с нашей жизни в бараке. Там никто и никогда не запирал двери в комнатах. Кухня общая, туалет с ванной общие на целый этаж, дети бегают туда-сюда. Лишняя морока отпирать и запирать двери, к тому же, все свои, можно сказать, что родственники, всем делились, всё про всех знали. После пере-

езда я пыталась маме доказать, что жизнь в многоэтажке – совсем другая, здесь не принято запросто ходить к соседям в гости, да и непонятно, кто может шарахаться по подъезду, надо опасаться, но осторожность в маминой душе отсутствовала на корню. Вот и сегодня я дверь в квартиру толкнула, и она спокойно отворилась. В квартире было тихо, чистенько, но достаточно бедно. Ничего лишнего у мамы никогда не было, потому что не было лишних денег. Что и не мудрено, раз зарплата небольшая, детей трое, а ещё надо взрослого мужика содержать. Что тут лишнего себе позволишь? Но чего у моей мамы не отнять, так это жизненного оптимизма. Она всегда всем довольна, ей всего хватает, а пылкое сердце ждет чуда и любви, совсем в скором будущем.

– Есть кто дома? – громко поинтересовалась я, входя в прихожую с пакетами, и закрывая за собой дверь. Я её прикрыла, а затем повернула ключ в замке. Мне так куда спокойнее.

Мама из комнаты мне навстречу не вышла, никак не отозвалась, по всей видимости, дома её не было. Зато спустя минуту-другую, из маленькой комнаты появился младший брат. Максиму было семнадцать, этим летом он окончил школу, одиннадцатый класс, и, по-хорошему, ему необходимо было озаботиться своим будущим и идти учиться дальше. Но Макс почему-то не заботился, и мама не заботилась, и поэтому, когда его бывшие одноклассники готовились к вступительным экзаменам или искали работу, мой брат, судя

по его заспанной физиономии, отдыхал дома. И ни о чем не переживал.

– Привет, – проговорил Макс, разглядывая меня. – Приехала?

– Приехала, – в тон ему отозвалась я. К братцу невольно присмотрелась. Макс у нас был парнем симпатичным, хоть и худощавым, и ростом выдающимся не обладал, но девичье внимание он без сомнения привлекал. Я много слышала о его подружках, ещё со школьных времен, класса с девятого. Максим был симпатичным ловеласом местного разлива, но при этом безумно ленивым во всем, что касалось учебы или быта. И эта самая лень открыто читалась на его лице, в его взгляде. И меня это здорово удручало. Ещё недавно, когда Максим ещё учился в школе, а у меня появилась возможность хоть что-то для него сделать, я приложила немало усилий, чтобы брата вдохновить, я пыталась рассказать ему о возможных перспективах, о жизни в большом городе, доказывала, что нужно обязательно продолжать учиться. Но чем старше он становился, тем яснее я понимала, что разговоры и убеждения ни к чему не ведут. То есть, переехать жить в Нижний Новгород Максим был совсем не прочь, он даже загорелся этой идеей, но все разговоры об учебе и работе, чтобы обеспечивать своё существование, энтузиазма в нём не вызывали.

– А как ты хотел? – удивилась я, когда наш с ним разговор в первый раз споткнулся об этот камень. – Чтобы жить хоро-

шо, нужно и работать хорошо. Кто тебя будет обеспечивать? Кому ты нужен?

Максим тогда сложил губы неприятной уточкой и глянул на меня весьма выразительно.

– Хорошо тебе говорить, – заявил он с юношеским запалом. – Ты красивая девка, тебе можно голову о том, на что жить, не морочить.

Тогда я впервые взглянула на младшего брата, которого половину своей жизни таскала на руках, по-другому.

– Во-первых, – твердо проговорила я, – я не девка. Ты так с подружками на улице разговаривать будешь. А, во-вторых, я работаю, и работаю много. Я себя обеспечиваю.

– Ну, конечно. А на фига тебе тогда этот качок? Он же тупой! – На тот момент я ещё жила с Метелкиным. И намек на то, что меня содержат, здорово задел.

– Уж точно не тупее тебя, – парировала я. – Олег – заслуженный тренер, к нему на тренировки очередь на месяц вперед. А ты чего добился в жизни? Ходишь по улицам, деньги на пиво и сигареты стреляешь? Всю жизнь хочешь так прожить?

Поругались мы с Максом тогда здорово, каждый, конечно же, остался при своем, а я, признаться, на младшего брата обиделась. Максима я, на самом деле, любила, до самого отъезда в Нижний Новгород, его воспитанием, по сути, занималась я. Я его нянчила, я его отводила в детский сад, затем за руку вела в первый класс, учила с ним уроки. Ма-

ме некогда было всем этим заниматься. И мне всегда казалось, что мой младший брат растет чудесным, добрым мальчиком. А потом я вышла замуж, стала реже появляться, а после и вовсе пришлось уехать, и Максим превратился в эгоистичного подростка, который только выставлял мне требования того, что нужно привезти ему из большого города. Крутые кроссовки, новую куртку, дать денег на карманные расходы. Поначалу я исправно исполняла его требования. Старалась, мне было жаль мальчика, совсем ещё ребенка, который оказался никому не нужен, но требования его росли, а благодарности в ответ становилось всё меньше и меньше, пока она окончательно не сошла на нет, и не превратилась в обвинения о моём легком заработке на своей смазливой внешности. Я поняла, что мальчик вырос, и пора оставить его в покое. Мы все сами строители своей судьбы, тащить человека за шкирку в хорошую, счастливую жизнь – дело неблагодарное, сами знаете.

Пока я разбирала пакеты с продуктами, Макс крутился рядом со мной на тесной кухне. Вытащил из пакета яблоко и захрустел. А сам всё на меня косился. Я все эти взгляды отлично знала, братцу явно от меня что-то нужно, но спрашивать я не собиралась.

– Юль, – позвал он в конце концов, присаживаясь на узкий кухонный подоконник. – А ты надолго приехала?

– На выходные.

– А-а. У меня к тебе дело есть.

Я на брата взглянула.

– И на какую сумму твоё дело?

Макс заулыбался.

– На небольшую. У меня телефон того…

– Что «того»? – передразнила я его.

– Новый надо.

– А я здесь при чем?

– Юль, ну ладно. Что ты придуриваешься? Купишь мне телефон?

Я спокойно покачала головой.

– Нет.

Максим тут же надулся, глянул на меня с обидой.

– И как я без телефона?

– Понятия не имею. У тебя нет телефона, зато, насколько вижу, у тебя на месте руки, ноги и голова. Отправляйся работать. Заработаешь – купишь себе телефон. Вот она – формула реальной жизни.

– Да куда я пойду работать?! – повысил он голос, а я тут же на него цыкнула.

– Не кричи. И мне абсолютно всё равно, куда ты пойдешь работать. Могу с Петей Ануфриевым поговорить, возможно, он возьмет тебя подсобным рабочим.

Лицо Максима окончательно скисло.

– Удобрения грузить?

– А что, у тебя здоровья мало? На диване лежать хватает. Вот и побегаешь немного с мешками, разомнешься. На те-

лефон накопишь.

Недоеденное яблоко полетело в мусорное ведро, а брат в негодовании вылетел из кухни. И едко проговорил из коридора:

– Ты очень помогла! Спасибо!

– Рада стараться, – в тон ему отозвалась я.

Бесконечное выклянчивание денег настроения мне не прибавляли, поэтому я и не любила приезжать домой. Но выбора у меня пока не было.

– Мать где? – поинтересовалась я у Макса через закрытую дверь в его комнату.

– На работе!

Я посмотрела на часы. Отлично, успею доехать до старшей сестры, сегодня выполню все необходимые ритуалы, а завтра займусь своими делами.

В машине лежали ещё два пакета. Один с продуктами, другой с вещами для детей. Я доехала до дома сестры, она жила на окраине городка, в частном секторе, в доме мужа. Дашка была старше меня на три с половиной года, в сущности, не такая большая разница в возрасте. И с одной стороны, я её совсем не ощущала, а с другой… между мной и сестрой зияла настоящая пропасть. Дашка тоже рано вышла замуж, сразу после школы, но, в отличие от меня, да и от мамы, брак свой сохранила, до сих пор жила с первым мужем, родила от него троих детей, и, видимо, из-за этого чувствовала какое-то непонятное превосходство над нами. Хотя, если гово-

рить откровенно, гордиться в ситуации старшей сестры было особо нечем. Назвать её брак счастливым, можно лишь с натяжкой. Жили они все эти годы в доме Дашкиного мужа, то есть, под одной крышей с его родителями. Сам дом был стареньким, требующим ремонта и достаточных вложений денежных средств, которых в их семье отродясь не водилось. Да и даже не в деньгах было дело. Если бы меня спросили, я бы сказала, что их жилище требовало приложения рук, особенно мужских, но об этом никто особо не заботился. Но сестра всё равно жила с уверенностью, что её жизнь куда более правильная и сложилась удачней, чем у меня и у мамы. На мамину бурную личную жизнь давно все махнули рукой, а я считалась едва ли не пропащей, причем, пропащей в большом городе, куда порядочные девушки не отправляются жить в одиночестве. А порядочность для жителей нашего городка означала одно непременное условие – выйти замуж и жить в официальном браке с одним мужем долгие годы. А уж насколько удачно складываются ваши отношения в стенах вашего дома, за закрытыми дверями, разговор отдельный. Главное, чтобы всё было по закону, со штампом в паспорте.

Дашкин муж, Серега, мне нравился, как человек. Хороший, простой, работящий парень. В меру подкаблучник, в меру мужик, который может стукнуть кулаком по столу. Вот только никакими особыми способностями и талантами Серега не обладал, и поэтому работал там, куда зовут,

не имея на руках ни одной толковой профессии. Последние несколько лет он трудился на лесопилке, обычным работягой, но там хотя бы платили пусть небольшую, но стабильную зарплату. Дашка данному обстоятельству сильно радовалась, и на работодателей мужа, которых в городе все знали, смотрела с откровенной благодарностью. Всё бы ничего, вот только лесопилка, одно из немногочисленных предприятий городка, которое давало жителям работу, принадлежала моему бывшему свекру. И ещё на эту тему мы с Дашкой без конца ругались. Она то и дело соскакивала на тему, что я неблагодарная, что я дурында, которая сама, по своей вине всё потеряла, а я была в корне с ней не согласна. Но моих слов, моих доводов никто не слушал.

Сестра встретила меня тем же вопросом, что и брат некоторое время назад. Увидев меня на крыльце, Дашка окинула меня внимательным взглядом, затем то ли поинтересовалась, то ли констатировала:

– Приехала?

После этого вопроса мне захотелось швырнуть пакеты к её ногам, развернуться и уйти. От тона сестры приветливостью даже и не пахло. Будто я напросилась к ней в гости, а не привезла детям необходимое. Между прочим, то, что заказывали, о чем просили.

Я прошла в дом вслед за Дашкой, в доме было шумно от детских игр и работающего в большой комнате телевизора, а ещё пахло щами. Очень сильно пахло, и как-то не ап-

петитно. Я отнесла пакеты на маленькую кухню, огляделась без всякой радости. Кухонка была длинная и узкая, с минимум мебели. Сюда даже нормальный обеденный стол нельзя было поставить, поэтому домочадцы ели по очереди. Как и готовили. Последний год Дашка со свекровью откровенно не ладила, и питались они теперь отдельно от родителей мужа. Даже холодильники разные завели. В общем, семейным благополучием в этом доме не пахло. Бесконечные претензии друг к другу и обиды. Дашка, как нормальная «яжемать» усиленно напирала на то, что ей и детям необходимо больше пространства и уступок со стороны других родственников, а свекровь в свою очередь предлагала молодым собраться и съехать с её жилплощади, как они, в принципе, и собирались поступить, даже обещание давали сразу после свадьбы.

– А потом плодиться начали, – зловеще заканчивала каждый раз Клавдия Васильевна свой трагический рассказ.

В общем, счастья через край. По словам сестры. А я, появляясь в её доме, старалась ни во что не вмешиваться и никаких советов никому не давать. Поступала точно так, как Серега. Тот тоже старательно держал нейтралитет между женой и родителями. Понимал, что ехать им с детьми некуда, даже съемное жилье он оплачивать не в состоянии, и нужно быть благодарным за то, что родители помогают. Вот только отношения между невесткой и свекровью он исправить не мог, поэтому молчал и уходил. За что ему тоже, кстати, доставалось. И мать и жена называли его подкаблучником.

Обеим казалось, что к другой он относится с большим пониманием и поддержкой.

– Чем занимаешься? – спросила я сестру, чтобы спросить у неё хоть что-нибудь. С годами мне всё тяжелее становилось находить темы для разговоров с ней, слишком разные у нас были жизни, слишком разные интересы.

– Детьми я занимаюсь, – отозвалась сестра, и вздохнула. Как-то печально у неё получилось, тяжелая грудь поднялась в вырезе цветастого халата. – Замучили уже, скорее бы в школу пошли да в сад.

– А ты на работу, – подсказала я, втискиваясь в узкое пространство между кухонным столом и подоконником. Там стояла табуретка, и впихнуться на нее могли только дети да я.

Дашка глянула на меня непонимающе.

– А я, по-твоему, ничего не делаю? Весь дом на мне.

– В том-то и дело. Пойдёшь на работу, отвлечёшься.

Сестра махнула на меня рукой и недовольно проговорила:

– Юль, отстань со своими глупостями. Какая работа? Где у нас работать? Да и некогда мне. Чай будешь?

– Буду, – согласилась я, и подперла рукой подбородок в ожидании обещанного чая.

– К чаю только баранки есть. И варенье.

– Я конфет привезла.

– Конфеты – детям. А ты варенье ешь.

Я усмехнулась, спорить не стала. Взяла ложку, стала есть

варенье. Затем поинтересовалась:

– Сереги нет?

– Нет, на работе ещё.

Дети окончательно расшумелись за стенкой, и Даша вышла на минуту, чтобы отпрысков приструнить. Я отлично слышала её гневный голос в соседней комнате. Потом она вернулась, сверкнула на меня глазами. Сверкнула не просто так, а с умыслом, я отлично это знала. Присмотрелась ко мне с вызовом, а я, чтобы не давать ей повода подумать, что я молча стерплю её нравоучения, тоже к сестре присмотрелась. Хотя, и без того отлично знала, что за месяц, что мы не виделись, ничего в ней не изменилось. За годы брака и сидения дома, Дашка позволила себе располнеть, не следить за внешним видом, целыми днями ходить в халате. В общем, в свои тридцать с маленьким хвостиком, она выглядела на свой возраст, а если будет и дальше так к себе относиться, то скоро начнёт внешне его перегонять. До этого момента осталось совсем немного времени, но, кажется, Дашу это совсем не беспокоит. Её абсолютно устраивает её внешность, её жизнь, в уверенности в себе моей сестре никогда нельзя было отказать.

– Ну, что, как дела? – поинтересовалась она у меня.

Я пожала плечами.

– Смотря, о чем ты спрашиваешь.

– О тебе.

– У меня все хорошо. – Я покрутила в руках чайную лож-

ку. И зачем-то решила признаться: – Снова отказ пришёл.

Дашка на меня уставилась, с непониманием. Потом руками развела.

– Ты чего-то другого ждала?

У меня вырвался вздох, я от сестры отвернулась. Знала, что не стоило с ней обсуждать эту тему. Понимания я всё равно с её стороны не найду. Но я всё равно разозлилась.

– Может, и ждала, – ответила я. – Почему я не могу ждать? Должна же быть на свете справедливость.

– Справедливость? – Сестра открыто усмехнулась. – Может быть, и должна, где-то. У нас я её не встречала.

– И что ты предлагаешь? Отступить?

– А с кем ты бороться собралась? Я давно тебе это говорю, Юля. Не поборешь ты их. Что, на забор трехметровый пойдёшь кидаться?

– Надо будет – пойду, – пробубнила я.

Дашка лишь вздохнула.

– Толка то?

Я на сестру взглянула, обличающе.

– Ты только мне это говоришь. А сама им улыбаешься. Что Василичу, что Тамаре. Той же Ольге.

Мне, на самом деле, было обидно. И я, признаться, старалась никогда эту тему не затрагивать, но в этот раз само с языка сорвалось. И Дашке мои обвинения тоже пришлись не по душе, но она не оскорбилась, а возмутилась. Даже руку в бок вызывающе уперла, на меня взглянула.

– А что ты от меня хочешь? Чтобы я с ними грызлась? В конце концов, ты сама во всем виновата!

Я усмехнулась.

– Ах, я виновата!..

– Конечно, ты! Кто тебе мешал мужика в своей постели удержать? Молодой да красивой? Ночная кукушка всегда дневную перекукует, уж мне поверь, я знаю! А ты в позу встала. О правах своих вспомнила? Вот и получила, по полной!

Я обиженно молчала. Конечно, доля правды в словах сестры была. Наверное, я всё это могла. Засунуть поглубже чувство собственного достоинства, подстелиться, подластиться к бывшему мужу, к его родителям, может быть, таких последствий и не случилось бы. Но я не смогла. То ли из-за своей врождённой гордости, то ли по молодости да по глупости. Кто сейчас разберет? Но всё же я не считала себя единственно виноватой. И что отлично поняла за прошедшие годы, так это то, что я не должна была терпеть пренебрежительное отношение к себе только потому, что меня все вокруг считали Васе не ровней. Его родители, друзья и родственники, все их знакомые, да и просто жители города, считали, что меня подобрали, отмыли, одарили своей милостью. И моё дело всю жизнь благодарить и кланяться. И никаких слов или претензий в моей душе по отношению к членам семьи Мезинцевых, которые меня, простушку, попросту приютили, рождаться не должно. Потому что это черная небла-

годарность. И даже моя семья, моя родная сестра, даже спустя годы, не стесняется озвучивать мне эту истину. Ведь для местных жителей это, на самом деле, истина. Я дочь Ленки Махорки, и этим всё сказано.

– А тебе не противно? – поинтересовалась я у сестры.

Дашка глянула в недоумении.

– За что?

Я из-за стола поднялась, поравнялась с сестрой. Посмотрела той в глаза.

– Даш, это же не на мне клеймо. На всей нашей семье клеймо. И ты такая же, как я. Тебя также воспринимают. А ты им улыбаешься, ты с ними здороваешься. Только потому, что они твоему мужу зарплату платят, в соответствии с прожиточным минимумом.

Мои слова Дашку задели, я видела это по её взгляду. Он вначале стал растерянным, затем в нём вспыхнула обида и протест. Она даже отступила от меня. А затем возмущенно фыркнула.

– Много ты понимаешь! У меня дети, у меня обязательства! Это ты у нас, – сестра небрежно махнула рукой, – птица вольная. Сбежала в город, и нет тебя. Ты, что ли, о ком-то подумала? О том, что люди про тебя говорят!..

– Мне всё равно, что говорят.

– Вот и не учи меня тогда, если тебе всё равно! И я тебе ещё раз скажу, что ты сама виновата! Ты Ваську упустила! Сама дел наворотила, а теперь письма по инстанциям пи-

шешь, жалуешься! Какой толк от твоих жалоб?

– Никакого, – пробормотала я, и направилась к выходу.

– Вот именно, что никакого! – выкрикнула сестра мне вслед. – Свою жизнь не устроила, а ещё других судишь! Пожила бы для начала в браке пятнадцать лет, как я, а потом бы уже советы давала! Советчица!

Я вышла из дома сестры, захлопнула за собой дверь. Дошла до машины, даже не обернулась, чтобы посмотреть, вышла она меня проводить или нет. Хотя, если бы вышла, я бы ещё много интересного про себя в спину услышала. Я села в машину, хлопнула дверью, и сидела с минуту, пытаясь собрать воедино растрепанные чувства. А в голове крутилась только одна мысль: лучше бы не приезжала. Ведь сколько раз зарекалась!

ГЛАВА 3

Когда я вернулась в квартиру матери, той дома ещё не было. И Макса тоже не было. Я включила свет в темной тесной прихожей, постояла, не зная, что делать. На улице уже темнело, пойти в маленьком городке было откровенно некуда, а друзей у меня здесь, по сути, не осталось. Те, кто ещё общался со мной, при каждой встрече присматривались ко мне с таким пристрастием, что мне хотелось поплевать через левое плечо, чтобы не сглазили. А что-то объяснять, а тем более оправдываться, я ни перед кем не желала. Жизнь в этом городе давно осталась для меня в прошлом, осталось единственное, что приводило меня обратно. Иначе я, скорее всего, не появлялась бы здесь месяцами, а, возможно, и вообще бы не вернулась.

Я прошла в комнату, выглянула в приоткрытое окно. Теплый воздух пах цветущей сиренью, неподалеку слышались развеселые голоса и смех молодежи, и я знала, что Максим там же. Любимое времяпрепровождение моего брата – отдыхать в компании друзей с пивом и девушками, а затем отсыпаться до обеда.

С наступлением темноты людей во дворе стало значительно меньше, детей загнали по домам, бабушки-старушки со скамеек у подъездов тоже разошлись. Несмотря на то, что наш район считался достаточно новым, образ жизни жите-

лей мало отличался от того, к которому они привыкли в расселенных фабричных бараках. Конечно, потихоньку контингент менялся, в городе было больше молодёжи, но особой разницы я не замечала. Всё тот же провинциальный стиль жизни, те же суждения, те же достаточно строгие моральные ценности и стремление обсудить и осудить тех, кто живет не по установленным издавна правилам. Надо сказать, что наша семья никогда в признанные рамки не вписывалась. Мама никогда не старалась соответствовать чужим взглядам на мораль, а я одно время старалась, очень старалась, готова была наизнанку вывернуться, лишь бы знакомые и соседи взглянули на меня по-другому, но ничего из этого не вышло. Может быть, я не справилась, а может быть мне изначально не дали шанса.

Странно, но Дашке, в каком-то смысле, удалось. Она осталась в этом городе, и заполучила звание правильной, замужней женщины. Иногда я думаю об этом, и, если честно, недоумеваю. Неужели для этого, на самом деле, нужно было только держаться за мужа, любого, каким бы он ни был? Лишь бы сохранить брак, лишь бы в тебя не ткнули пальцем и не сказали, что ты повторяешь судьбу матери?

Кстати, о матери. Пока я торчала в окошке, дышала запахом сирени, краем глаза заметила, что на тротуаре появилась парочка. В темноте на расстоянии я их рассмотреть не могла, но когда они приблизились к нашему подъезду, мне, если честно, захотелось выругаться в полный голос. В женщи-

не я узнала маму, а вот мужчину видела впервые. Довольно высокий, грузный, в странном, нелепом пиджаке, будто с чужого плеча. Пиджак был заметно ему тесен. Парочка дошла до нашего подъезда, остановилась под светом фонаря, и я увидела, что они держатся за руки. Мне даже не нужно было смотреть матери в лицо, чтобы знать – она светится от счастья. И выглядит в этот момент совсем, как девчонка, а не пятидесятилетняя женщина. На свой возраст мама, вообще, не выглядела, ей легко можно было дать на десять лет меньше, а уж любовь маму всегда преображала. Я наблюдала, как она как бы ненароком придвигается к мужчине, как кокетливо крутит головой, откидывает волосы назад, слышала её негромкий, волнующий смех, и ждала, что в следующий момент свершится сладкий прощальный поцелуй, и мама, по всем законам жанра, вскинет ножку от восторга и удовольствия.

В принципе, всё прошло по тому сценарию, что я в своей голове и нарисовала. Единственное, что обошлось без киношного поднятия ноги, но зато после поцелуя, влюблённые ещё долго держались за руки, не в силах расстаться. А я мысленно плюнула с досады, и решила, что пора от окна убираться. Прошла на кухню, включила свет и поставила чайник на газ.

Наверное, вспыхнувший свет в кухонном окне, привлек мамино внимание, потому что она появилась дома буквально через пять минут. Увидела меня, сидящей на кухне у ок-

на, ещё из прихожей, и, единственная, за весь день, мне искренне улыбнулась.

– Юля, ты приехала! Я так рада!

Я заставила себя улыбнуться. А сама за матерью наблюдала. Она что-то мурлыкала себе под нос, вместо того, чтобы разуться, первым делом подошла к зеркалу, взглянула на себя, поправила прическу.

– У тебя красивое платье, – похвалила я её.

– Правда? – Мама ко мне обернулась, кокетливо склонила голову на бок. – Новое. Правда, мне идет?

– Идет, – вздохнула я.

– Ты давно приехала?

– Днем. Я уже у Дашки была.

– И как она?

– Мама, это ты с ней в одном городе живешь. Звонила бы хоть иногда.

– Зачем? У твоей сестры семья, дети, заботы. Мне ли не знать, что это такое?

Я глаза закатила, отвечать не стала. Мама наливала себе чай, а я за ней наблюдала. Потом взяла и спросила:

– У тебя было свидание? Я думала, ты на работе.

Мама глянула на меня якобы удивленно.

– Конечно, я была на работе. А Станислав Николаевич, это наш новый техник, он просто был так любезен, что согласился проводить меня домой. Поздно уже, темно.

– Беспокойный какой, за ручку провожал.

Мне достался полный укора взгляд.

– Юля, нельзя думать о людях только плохо. Станислав Николаевич очень порядочный человек.

Я с пониманием покивала. Поинтересовалась:

– Женатый?

Вопрос маму смутил мало. Она равнодушно пожала плечами.

– Здесь он живет один, приехал месяц назад.

– Понятно, – проговорила я. – То есть, там у него семья, а здесь надо к кому-то пристроиться.

– Юля!

– Мам, ты же взрослая женщина. Тебе самой не надоело подбирать всякий хлам? Неужели у нас нормальные мужики закончились?

– Не знаю, ответь мне на этот вопрос, – в пику мне проговорила мама.

Что ответить я не знала, поэтому из-за стола поднялась, убрала чашку в раковину, а маме сказала:

– Ты хоть домой его не приводи жить. Незачем Максу всё это видеть в очередной раз.

– Я сама разберусь. Ты приехала и уехала. Тебе ведь совершенно не интересно, как мы живем. Признайся. Ты приезжаешь по своим делам, я тебе ни слова не говорю. Но тебе не кажется, дорогая моя дочь, что я всё-таки тебя старше, и лучше знаю, как строить жизнь?

Я обернулась на мать из коридора, посмотрела на неё

и качнула головой:

– Нет, не кажется. Лет с семи не кажется. Я пошла спать, до завтра.

На душе скребли кошки. Я разобрала диван, выключила свет и легла. Вот только сон никак не шел. Я прислушивалась к звукам из открытого окна, крутилась с боку на бок, и думала, думала. Думала о том, что будет завтра, думала о том, что было десять лет назад, и даже тогда, когда мне было всего семь.

Наверное, до того возраста, когда я пошла в первый класс, я совершенно не понимала, что моя семья – странная. То есть, не такая, как все. Не такая, как принято. Да, отца у нас не было, я его даже не помню. Он ушёл от матери, когда мне едва исполнился год. Дашка, которая старше меня почти на четыре года, клялась, что папу помнит. Что он катал её на качелях или каруселях, а ещё водил гулять за ручку. Не знаю, насколько можно доверять столь детским воспоминаниям сестры. Мама клялась, что с Дашкой у нас один отец на двоих, у нас даже отчества с ней одинаковые – Александровна, а вот фамилия мамина – Табаковы мы. Достаточно повзрослев, я задумалась о том, что быть Александровной, совсем не значит, иметь отца Александра в активе. Что может быть проще дать ребенку отчество одного из самого популярного имени? Это как в фильме «Москва слезам не верит»: «Александровна она…». И вот эта мысль засела у меня в голове ещё в ранней юности, и я перестала верить в мами-

ны рассказы об отце.

Завидовала старшей сестре, которую эта тема совсем не интересовала. Дашке, вообще, было всё равно, что про нас говорят и как на нас смотрят, якобы искоса. Бывает такое, что в семьях, где родителям откровенно не до детей, старшие дети, особенно девочки, становятся для младших опорой, поддержкой, стараются заменить родительницу. Но не в нашем случае. Мы с Дашкой росли, как трава, и каждая сама о себе заботилась. Сестра не кормила меня обедами, не водила в школу за руку и не проверяла мои уроки. В детстве разница в четыре года между детьми, довольно существенна, между мной и сестрой по интересам зияла пропасть. И когда я играла в куклы в маминой спальне, жуя бутерброд с вареньем, Дашка с подружками уже грезила о мальчиках на скамейке под кустом сирени. Сестре было не до меня, а мама не настаивала на том, чтобы за мной кто-то присматривал. Зачем? Считалось, что она замечательная мать, и всё прекрасно успевает. По крайней мере, она сама так считала, и считает спустя годы. Вот мы и выросли с Дашкой вроде бы в одинаковых условиях, под одной крышей, питались и одевались, как могли, но при этом мы так и не стали не то что близкими родными людьми, а даже подругами. Никогда не секретничали и не доверяли друг другу свои тайны и печали. А если доверяли, то ничего хорошего из этого не выходило. Встречались дома, спали на соседних кроватях, с возрастом принялись драться за модную одежду, которая ино-

гда нам перепадала. Единственное, что нас с сестрой всегда объединяло, так это презрение и раздражение по отношению ко всем маминым кавалерам и нежданным влюблённостям. Мы могли ругаться между собой, но сменяющих друг друга «отчимов» ненавидели совместно с огромным воодушевлением.

Дашка была почти взрослая, когда родился Максим. Я помню, как сестра ругалась и топала на мать ногами, пытаясь донести до той, насколько глупо и неправильно рожать какому-то временному мужику. Тем более, в её возрасте. Но мама, с замутненным влюбленностью, взглядом, никого не слушала и ни к каким доводам не прислушивалась. Твердила о том, что наша жизнь отныне станет другой, что её нынешний муж – это её судьба, они никогда не расстанутся, и она должна, обязана родить любимому мужчине наследника. Даже у меня, в двенадцать лет, возник в сознании логичный вопрос: наследника чего? Помню я отца Максима. Вахтовик, неделю здесь, три недели где-то ещё. Огромный, грубоватый мужик с пудовыми кулаками, который отчитывал нас с Дашкой за плохие оценки, требовал послушания и сажал под домашний арест. Хорошо, хоть дома бывал не так часто, уезжал работать. Правда, от его командировок денег в семье не прибавлялось. Складывалось ощущение, что новый муж, как зарабатывает где-то на стороне, так и тратит заработанное на стороне, а к маме на диван приезжает дух переводить, ожидая, что его будут любить, баловать и кормить от пуза.

Впрочем, так всё и было. Потом ещё Максим родился.

О Максиме мама заботилась. Не знаю, возможно, нам с Дашкой тоже перепала в своё время толика её материнской любви, и когда мы были младенцами, с нами тоже тютюшкались и заботились. О маленьком Максимке мама заботилась, первый год его жизни. Ровно до того момента, когда его отец не уехал на очередную вахту и как-то позабыл вернуться к жене и сыну. Если, вообще, считал их своей семьёй. Уехал и пропал. Тогда маму настигла очередная депрессия, пришла полоса отчаяния, и она без всяких моральных мытарств, скинула годовалого ребенка на меня. Просто не подошла к Максиму утром, лежала и страдала, и ей было совершенно всё равно, что ребенок надрывается в плаче от голода. Дашка к тому времени уже редко появлялась дома, ещё в семнадцать она поторопилась переехать из отчего дома под крышу будущего мужа, и вся забота о маленьком ребенке легла на мои плечи.

– У нас замечательная семья, правда? – умилялась мама, наконец, справившись с очередным разочарованием. Она снова была весела, красива, обаятельна, ничего удивительного, что вскоре рядом с ней появился другой мужчина. А мама хвасталась нами перед ним, пригласив первый раз в гости. – У меня, Юрочка, ещё одна дочка есть. Но та совсем уже взрослая, любовь у нее. Замуж собирается. – Мама залилась счастливым смехом. – Ты представляешь меня в роли свекрови? Юля, что ты стоишь? Возьми Максима, сходи

с ним погуляй. На улице замечательная погода, мы с таким удовольствием прошлись по парку, да, Юра?

Я вздыхала, оглядывала красноречивым взглядом мать и её новую любовь, брала двухлетнего брата за руку и уходила на улицу.

Дашка, на самом деле, собралась замуж. Ей ещё восемнадцати не исполнилось, а сестра уже с головой ушла в семейный быт.

– Ты же ещё диплом в школе не получила, – помнится, говорила я ей. Мы сидели с Дашкой на лавке во дворе, Максим копался в песочнице, я наблюдала за ним и с тоской думала о том, что мне брата потом отмывать. А тут сестра появилась, присела рядом со мной, и сообщила сногсшибательную новость. Я, если честно, удивилась, что она решила мне рассказать. Дашка уже с полгода, как с нами не жила, появлялась крайне редко, и видела я её в основном только в школе. Да и там мы не слишком тесно общались. Сестра заканчивала одиннадцатый класс, а все старшеклассники были заняты тем, что строили планы на своё будущее. У Дашки план оказался таким.

– Что мне этот диплом? – хмыкнула сестра. – Куда он мне?

Я задумалась. Мне было тринадцать, и мне казалось, что все вокруг меня глупы до безобразия. А вот я, а вот я готова всех научить, всем рассказать, и, вообще, я к своим годам в жизни столько всего прошла!.. И уж точно понимаю, в отличие от сестры, что не хочу жить так, как живет наша

мать. Бесконечно чего-то ждать и соглашаться на всё, что ни предложат.

– Ты же хотела в Нижний уехать, – напомнила я. – Ты же мне говорила, Даш.

Сестра на меня посмотрела, насмешливо.

– Юлька, не будь глупой. Куда я поеду, к кому? А здесь всё привычно. Главное, устроиться, как надо.

– А ты устроилась?

Дашка важно кивнула.

– Да. Сережка у меня хороший, домашний. Сейчас учиться пойдет на сварщика. Сварщики-то всегда нужны. И жильё у него есть, пусть родительское, но целый дом с огородом. Всё у нас будет хорошо, – уверенно закончила она.

Я сидела рядом с ней и мотала ногой. Дашка заметила, что я нервничаю, и толкнула меня локтем в бок.

– Чего ты?

– Мамка нового хахаля привела. Они уже даже заявление подали.

Дашка в первый момент нахмурилась, а потом, видимо, решила, что её это больше не касается, и усмехнулась.

– Вот видишь, две свадьбы будет.

Радости мне её слова не добавили.

Дашка вышла замуж тем же летом, ещё будучи несовершеннолетней. Конечно, соседи от души посудачили, и повод был. Оказалось, что сестра беременная. Я сама слышала, как кумушки на лавке её обсуждали.

– А чего ещё ждать? С такой-то матерью? Яблоко от яблони недалеко падает.

– Скоро ещё одна подрастет, новая карусель начнется, – поддакнул кто-то со злой насмешкой, а я с грохотом закрыла окно. Понимать, что никто вокруг в тебя не верит и ничего хорошего от тебя не ждёт, довольно тяжело. Поневоле, со временем, начинаешь соответствовать ожиданиям окружающих, потому что шанса на другую жизнь тебе никто не дает, а если ты пытаешься, то натыкаешься лишь на непонимание и неуважение. И в свои тринадцать-четырнадцать-пятнадцать лет я горячо клялась самой себе, что никогда не буду такой, как мама. Никогда не буду давать людям поводов для сплетен. Я вырасту и стану совсем другой.

– Меня будут ставить в пример! – как-то выкрикнула я матери в сердцах, а отчим, не помню уже, который из них, от души расхохотался над моим возмущением и надеждами.

А потом… потом я познакомилась с Васькой. Точнее, я и до этого была с ним знакома, а вот он со мной нет. Они с Дашкой учились в одном классе, и я прекрасно знала, кто он, как его зовут, чей он сын, и что такие, как я, ему совсем не пара. Но мы столкнулись с ним на дискотеке, Вася недавно вернулся из армии, имел право куролесить и хулиганить, наверное, родители выдали ему такое разрешение, временно, а мне на тот момент едва исполнилось семнадцать, и многого для того, чтобы влюбиться, в первый раз и по-настоящему, было не нужно. Я увидела Ваську – такого задорного, тако-

го бравого, так сказать, первого парня на нашей «деревне», и потеряла голову. Подружки надо мной хихикали, а я глаз с предмета своей страсти не сводила.

Особо встречаться, нам с Васей было негде. У каждого свои друзья, своя компания, увидеть я его могла только на дискотеке, которую закатывали в местном доме культуры каждую пятницу и субботу. Вот туда я и зачастила. Чем привлечь внимание молодого парня, у которого и без того в избытке женского общества, я не знала, наряжаться мне особо тоже было не во что, и всё, что я могла, это крутиться поблизости, и за Васей наблюдать.

Правильно говорят, что в молодости никаких поводов для любви нам не нужно. Мы не смотрим на качества человека, на его характер, не обращаем внимания на поступки. Всё происходит по щелчку пальцев. Сейчас, годы спустя, глядя на бывшего мужа, я порой искренне удивляюсь тому, что я в нём когда-то нашла. Я даже не скажу, что он сильно изменился за прошедшие десять лет. Возмужал только, в принципе, это должно было сделать его ещё более привлекательным, но для меня вся его привлекательность, вся моя любовь к нему давно сошла на нет. Я смотрела на него и думала: зачем? Но в то время Вася казался пределом моих девичьих мечтаний. Он был единственным сыном достаточно обеспеченных родителей, по меркам нашего города, конечно, его любили и баловали, на совершеннолетие подарили машину. «Десятку». Но это представлялось настоящим ши-

ком. Васька с этим самым шиком подвозил самых красивых девчонок города, крутил романы и куражился с друзьями. В городе его и его семью знали буквально все. А мне помогло в него влюбиться. Мне самой моя влюблённость казалась бесперспективной. Я страдала, вздыхала, рыдала в подушку из-за своей несправедливой, как мне казалось, доли, и злилась на мать, которая в очередной раз выставляла себя напоказ с очередной неудачной любовью и разводом. Я стыдилась её, я стыдилась себя, ненавидела свою жизнь, и безумно хотела перемен. Каких именно – до конца не понимала. Хотелось проснуться утром, и осознать, что моя жизнь совсем другая, не такая, какой была вчера. Что у меня нормальная семья. Хотя бы, нормальная мама, которой есть до меня дело, которой важно, что о нас думают люди, у которой есть хоть какие-то нравственные критерии. Но ничего не менялось, и я здорово переживала по этому поводу.

А потом… не знаю, что потом случилось, но Вася сам обратил на меня внимание. Всё изменилось в один вечер, он просто подошёл ко мне и пригласил на медленный танец. Медленные композиции в нашем клубе звучали редко, и поэтому были неким особым показателем, дабы продемонстрировать человеку свой интерес. И поэтому, когда Васька вывел меня на танцпол, и его рука оказалась на моей талии, я была практически в предобморочном состоянии. Пола под собой точно не чувствовала, будто парила над ним.

– Ты ведь Юля? – спросил он, приглядываясь ко мне с са-

моуверенной усмешкой.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. А про себя здорово перепугалась, что он сейчас возьмет да продолжит:

– Дочка Ленки Махорки?

Я от многих слышала это продолжение, ненавидела его, боялась его, но Васька промолчал. Просто разглядывал меня. Правда, потом спросил:

– У тебя парень есть?

Я решительно качнула головой.

– Нет.

Он ухмыльнулся.

– Хорошо. А то получил бы по рогам.

Вот во что, во что там можно было влюбиться? Я сто раз задавала себе этот вопрос. А меня трясло, я вся пылала и горела, и смотрела на Ваську влюблёнными глазами. После танца он меня оставил, вернулся к своим друзьям, они гоготали, разговаривая о чем-то, а я неотрывно наблюдала за ними через зал. Я смотрела неотрывно, а Васька оборачивался на меня время от времени. Без сомнения, я его заинтересовала, я это почувствовала даже своей неопытной в плане любви душой, и не могла поверить своему счастью.

– Васька Мезинцев? – переспросила меня сестра, когда я решилась признаться ей в своих чувствах к её бывшему однокласснику. Пришла в гости, тут же получила на руки ребенка, принялась его качать, пока сестра кинулась к плите, готовить обед. Они с мужем уже несколько лет жили у его

родителей, успели родить ребенка, и разговоры о переезде и своём жилье, как-то сами собой стихли. Сестре совсем недавно исполнился двадцать один год, а она вся была обвешена заботами и семейным бытом. Если честно, я не любила приходить к ней в гости, Дашка тут же принималась меня поучать, попутно сбагривая на меня часть своих обязанностей. Считалось, что прихожу я ей помогать, а не повидаться с сестрой. – Ты в своём уме, Юлька?

Мне стало обидно от её тона, от её слов. Я качала ребенка и с обидой таращилась на сестру.

– А что такого? – проговорила я.

– Да ничего, – фыркнула Дашка. – Только где ты, а где он! – Она обернулась, посмотрела на меня, очень внимательно посмотрела, нахмурилась неожиданно. А затем взяла и сказала: – Ты на маму становишься похожа.

– Что? – Я не знала, как реагировать на это заявление сестры.

– Внешне, – тут же пояснила Дашка. Вздохнула, недовольно поджала губы. – Ты вся в мать, как под копирку. Помни об этом.

– Да о чем помнить? – продолжала возмущаться я. Дашкины слова меня коробили. Я так старалась быть другой, не такой, как мама, старалась быть серьёзной, вдумчивой, а тут родная сестра меня обвиняет в том, чего я больше всего боюсь.

– Глупая ты ещё, – припечатала меня сестра. – Ты вся

в мать, красивая. Вот мужики на тебя и смотрят. Давно смотрят, Юлька, ты просто дурочка маленькая, не понимаешь. И Васька не лучше них. Тебе запомнить надо, раз и навсегда, что это не любовь. Они просто хотят затащить тебя в койку.

– Какие гадости ты говоришь, – окончательно расстроилась я. Поднялась и решительно вернула ребенка матери. Взглянула на сестру, и со всей серьёзностью проговорила: – Я не такая, как она. Не такая!

Я направилась к выходу, и услышала вслед хмыканье сестры. Та проговорила:

– Посмотрим.

Я злилась на сестру, и довольно долго с ней не общалась после того разговора. Но её слова всё же заставили меня задуматься, я принялась анализировать мужские взгляды, обращённые ко мне, и, на самом деле, заметила многое из того, на что раньше попросту не обращала внимания. К тому же, Дашка, судя по всему, успела что-то наговорить матери, потому что та неожиданно принялась за мной следить. А однажды и вовсе заявила, что выпорет меня, если я ей в подоле раньше времени принесу. Я тогда на маму изумленно вытаращилась.

– Раньше времени – это когда? – поинтересовалась я.

– Пока тебе восемнадцать не исполнилось. А потом делай, что хочешь, взрослая будешь.

Я усмехнулась и решила напомнить:

– Дашка в семнадцать замуж вышла!

– Так то замуж, – веско заметила мама. – А тебя ещё никто никуда не позвал. И не позовёт, если так себя вести будешь!

– Как? – воскликнула я.

– По клубам шляться, да с мальчиками крутить!

– Я ни с кем не кручу!

– Вот и не крути! Головой думай!

– А ты много головой думала?

– Ах ты, дрянь такая!.. Не смей на меня огрызаться! – Мама тогда замахнулась на меня полотенцем, и даже задела меня его краем по руке, но я успела сбежать на улицу. Всё происходящее казалось безумно несправедливым. Все вдруг принялись меня поучать, приструнять, хотя, ещё совсем недавно никому до меня не было никакого дела. И всё потому, что я понравилась кому-то. Кто-то проявил ко мне интерес.

Васька подошёл ко мне сам. В один из дней просто взял и подошёл, увидев меня в сквере на скамейке. Я сидела, ждала подружку, и совсем не думала о том, что встречу его здесь. А он увидел меня, подошёл и сел рядом. Сказал:

– Привет.

– Привет, – отозвалась я. Мысли в один момент спутались, меня кинуло в жар, я заволновалось. А Васька спросил:

– Чего на дискотеку не ходишь?

Меня, на самом деле, не было в клубе последние две недели, и я возьми да и скажи правду:

– Мама не разрешает.

– Серьёзно? – Васька недоверчиво ухмыльнулся, я отлично знала, о чем он подумал в этот момент, чему удивился. Меня кольнуло недовольство, но на фоне моего волнения, укол был практически незаметен. А ещё Васька меня разглядывал, и у меня внутри всё млело от его пристального взгляда, от счастья, неожиданно меня накрывшего. – А сегодня придёшь? – спросил он.

Я медлила с ответом, облизала пересохшие губы. Затем кивнула и пообещала:

– Приду. Мама на дежурстве будет.

– Приходи, – улыбнулся мне Васька. – Я буду тебя ждать.

После этого он со скамейки поднялся и направился к дороге, к своей машине. А я смотрела ему вслед, и моё сердце колотилось настолько оглушительно, что я не понимала, что происходит вокруг меня. Видела только Васькину удаляющуюся фигуру.

Моя любовь к нему напоминала помешательство. Я была так сильно влюблена, буквально очарована, мне кажется, не столько им самим, сколько поглощена самими чувствами, ощущениями. Мне настолько хотелось любить и быть любимой в ответ, да и в силу возраста, первой влюбленности, я многого не понимала и не замечала. Все его слова, все его действия казались мне правильными, Вася говорил, что надо поступить так, и я поступала. Сейчас, вспоминая, как завязывались наши с ним отношения в молодости, я частенько задумываюсь о том, что он ко мне чувствовал. Вспоми-

наю, как он себя вел, что говорил и как смотрел. Вытаскиваю на свет Божий воспоминания, и всё же прихожу к выводу, что наши чувства были обоюдны. Ведь, если бы это было не так, Васька бы на мне не женился. Сделал бы что угодно, но не женился. И, скорее всего, его даже не осудили бы за это. Посудачили, конечно, но отнеслись бы с пониманием. Ведь наши с ним отношения, наша с ним свадьба, вызвала куда больше пересудов в городе.

Всё случилось очень быстро. Мы стали встречаться, я несколько месяцев словно не жила, не ходила по земле, а летала над ней. Всё казалось настолько нереальным. Каждая наша с ним встреча делала меня по-настоящему счастливой.

Первые недели наши отношения были как бы тайной для окружающих. То есть, мы старались их не афишировать. Встречались, гуляли, о чем-то болтали. Помню, как Васька возил меня в поле, собирать цветы, или мы ездили на речку, купаться, только вдвоем. Одно из таких купаний и привело к первой близости. Нечто спонтанное, но безумно волнующее и нежное. По крайней мере, мне так показалось. Я, не имея никакого сексуального опыта до того дня, посчитала, что Вася был очень нежен и трепетен по отношению ко мне. А ещё, первая близость на берегу реки, среди цветов, под ласковым солнышком – сумасшедшая романтика. Над чем тут можно было сомневаться? Определенно это была любовь.

Но как не таись, в маленьком городе с трудом можно долго

держать что-то в тайне. Тем более, что-то скандальное. А отношения Васи Мезинцева с дочкой Ленки Махорки – это определённо скандал. Стоило лишь несколько раз попасться вместе людям на глаза, как о нас заговорили. Заговорили настолько активно, что по улице нельзя было пройти, чтобы вслед кто-то не обернулся. И если мне никто ничего не говорил, только удивлялись, то с Васей была проведена родителями настоятельная беседа. Он сам мне в этом сознался. При этом был возмущён и по-молодецки хорохорился.

– Я уже взрослый! – говорил мне любимый тем же вечером. – Почему мне говорят, что делать?

Я заметно загрустила. Сидела на скамейке, вцепившись руками в её края, и печально смотрела себе под ноги. Обдумывала то, что пришлась Васиным родителям не ко двору. Конечно, это было вполне ожидаемо, но всё равно обидно. А ещё я думала о том, что если бы его родители захотели со мной познакомиться, дали мне один шанс, то увидели бы, как сильно я люблю их сына. И все их сомнения на мой счет, наверняка бы, тут же отпали. Но знакомиться со мной никто не хотел.

– Не переживай, – сказал мне Вася, заметив моё несчастное лицо. Сел со мной рядом и обнял тяжёлой рукой за плечи. – В конце концов, какая разница, кто и что говорит?

– Это же не кто-то говорит, а твои родители.

– Глупости, – отмахнулся он. – Поговорят и перестанут.

Я голову повернула, на любимого посмотрела. Пытливо.

Спросила:

– Ты ведь не бросишь меня из-за этого?

Мы встретились глазами, и через секунду обдумывания, Вася широко улыбнулся.

– Дурочка. Нет, конечно. Ты же моя принцесса.

Я была его принцессой. Когда-то. Сейчас смешно это вспоминать, но и такое было. Но надо отдать Мезинцеву должное. Он пошёл и против родителей, и против общих знакомых. Возможно, ради меня, но, скорее, из-за строптивого характера. Не смог смириться с тем, что кто-то принялся выдвигать ему условия и указывать, что делать. После случившегося скандала и ссоры с родителями, Вася перестал скрываться, и мы стали открыто появляться на людях вместе. В то время я радовалась и гордилась его смелостью и решительностью. Перед собственными родственниками стояла с гордо поднятой головой, искренне не понимая, чем мама недовольна. Ведь и она, и сестра должны были за меня порадоваться, а они лишь скептически и недовольно поджимали губы.

– Скоро вся ваша любовь закончится, и вот тогда ты вспомнишь все наши слова, – говорила мне недавно родившая и располневшая Дашка. После вторых родов сестра както резко подурнела, и характер у неё испортился. Все это видели, все это понимали, но в лицо ей не говорили, не связывались.

– С чего бы ей заканчиваться? – недоумевала я.

Дашка усмехалась.

– А ты что же, мечтаешь за Ваську замуж выскочить?

– Во-первых, – поучительно начинала я, – не выскочить, а выйти. А, во-вторых, почему нет? Не сейчас, конечно, а позже. – Я вызывающе улыбалась. – Мы друг друга любим. По-настоящему. Вася даже с родителями из-за меня поругался.

– Сегодня поругался, завтра помирился. Ты здесь причем?

Я уперла руку в бок, на сестру глянула.

– Даша, ты чем вечно недовольна? И, вообще, какое тебе дело? У тебя есть муж, вот им и занимайся. А меня оставь, наконец, в покое.

– Посмотрите на неё! – тут же вскипела сестра. – Взрослая стала? Слушай, что тебе старшие говорят!

– Ненамного ты и старше, – парировала я. – А тоже начудить успела!

– Это что это я начудила?

– В семнадцать лет залететь и выйти замуж за первого парня, что согласился тебя в жёны взять? Знаешь ли, много ума на это не надо!

– Ах, ты!.. Пошла вон из моего дома! – кричала мне обычно сестра после таких ссор. Я иногда уходила, гордо и молча, а иногда огрызалась и отвечала что-то вроде:

– Это не твой дом, а Серегиных родителей!

Мы частенько выясняли так отношения. Успокоились гораздо позже. То ли когда выяснять стало нечего, то ли когда

повзрослели немного и поняли, что у каждого в этой жизни свои проблемы, и поучать друг друга нам не позволяет печальный жизненный опыт и отсутствие настоящей удачи.

А потом случилось то, что изменило всю мою жизнь. Я забеременела. И эта новость стала для нас с Васькой громом среди ясного неба. Не знаю, на что мы рассчитывали, по юношеской горячности мыслями о предохранении мы не слишком себя нагружали, и это привело к закономерному результату. Мне едва исполнилось восемнадцать, я окончила школу и всерьёз задумалась над тем, как строить свою жизнь дальше, правильнее всего пойти учиться дальше, но для этого необходимо было перебраться в Нижний Новгород, в нашем городке учиться было совершенно негде. И весь период сдачи экзаменов и подготовки к выпускному, я изводила себя и любимого мыслями о том, что будет, если я уеду. Кстати, Васька совершенно не видел в этом никакой необходимости. Как и моя мама, и старшая сестра. Когда я впервые заговорила о том, что, наверное, мне нужно идти учиться дальше, мама лишь фыркнула и отмахнулась от меня.

– Юля, не выдумывай. Куда ты собралась?

Я задумалась над тем, что ей ответить. Без лишних фантазий, четко по фактам.

– У нас несколько девочек поступает в сельскохозяйственный колледж в Нижнем Новгороде. Говорят, там экзамены несложные, и дают общежитие. А ещё можно поступить в педагогический колледж, или пойти учиться на парикмахера.

Или повара.

Мама стояла в дверях кухни и молча меня разглядывала. Никакой гордости за ребенка, который тянется к знаниям, к возможной будущей профессии, в её взгляде я не заметила. Мама помолчала, после чего коротко повторила:

– Не выдумывай.

Я в искреннем недоумении развела руками.

– Так что же мне делать?

– Идти работать. Тёте Ире в магазине нужны помощники. Вот и пойдёшь.

Пойти работать я была не против, но это означало лишь одно – я никогда из этого города не выберусь. Никогда. Как мама и Даша. И, хотя, я, по сути, нигде и не была, не путешествовала, в том же Нижнем Новгороде бывала, от силы, раз в год, от этой мысли меня неожиданно покоробило и на душе стало тоскливо, но я промолчала, спорить с мамой не стала. Правда, уже на следующий день завела осторожный разговор с Васей. Любимый моим измышлениям крайне удивился.

– Переехать в Нижний? Зачем?

Я осторожно пожала плечами.

– Мы бы начали там всё сначала. Вдвоем. И никто бы нам ничего не говорил, не поучал и за спиной не шептался.

Вася презрительно фыркнул.

– Я сплетников не слушаю. И тебе не советую. Не обращай внимания.

– Да я не обращаю, – проговорила я негромко. Вздохну-

ла. – Просто…

– Что просто?

Я на Васю посмотрела.

– Вась, а что мне делать? Через неделю я получу диплом об окончании школы. По крайней мере, половина одноклассников едут поступать в Нижний.

– А другая половина?

Я неопределенно пожала плечами. А Вася тут же кивнул.

– Вот, не все хотят уехать.

– Да я и не говорю, что все. Я не понимаю, что мне делать.

– Юль, твоя жизнь здесь. Перестань выдумывать.

Он сказал практически те же слова, что и мама. И я невесело усмехнулась. Поинтересовалась:

– Идти работать в магазин?

– Чем плохая работа?

– Ничем, – согласилась я. – Буду торговать ведрами и швабрами.

– А я досками и опилками, – хмыкнул Васька. – Отличная парочка.

Я заставила себя улыбнуться. На душе кошки скребли, но я успокаивала себя мыслью, что буду рядом с любимым. Хотя, признаться, в глубине моей души, когда я затеяла этот разговор, была надежда на то, что Вася согласится перебраться в большой город. Я была уверена, что наша жизнь там, подальше от недовольства родителей и чужих пересудов, сложилась бы лучше. Было бы тяжело, но мы бы справи-

лись. И впереди нас ждали бы перемены, какое-то развитие. Но Васю перемены и трудности не вдохновляли. Он, наконец, как говорили его родители, проявил благоразумие, и собирался выйти на работу, на отцовскую лесопилку. Васино будущее было запланировано и продумано, его ждало рабочее место, и карьерный рост, если можно так сказать. А меня ждала работа в маленьком хозяйственном магазинчике маминой подруги. Мне предстояло каждое утро просыпаться в шесть утра, и отправляться на другой конец нашего городка, благо, что городок маленький, и дорога на автобусе занимала не больше двадцати минут. Ни тебе пробок, ни других интересностей. За окном всё одно и то же, и не меняется годами. Было от чего затосковать, но я тщательно скрывала свою тоску, чтобы не обижать любимого человека, которого в проживании в этом городе устраивало всё. А я его любила, и обязана была выбрать – он или собственные амбиции и необоснованные надежды. Конечно, я выбрала Васю.

И не успела всерьёз свыкнуться с мыслью, что в моей жизни после окончания школы ничего не изменится, как поняла, что беременна. И жутко перепугалась. Если честно, мне даже пойти с этой новостью было не к кому. К сестре я не осмелилась, побоялась её насмешек. Признаться маме показалось мне ещё более страшным, ведь она мне изначально предрекала именно такой исход, а мне нечего было ей сказать, кроме того, что я, в отличие от сестры, не забеременела до своего совершеннолетия. Я ведь говорила, что окажусь умнее

Дашки, что не стану повторять её ошибок, и вот, пожалуйста. Где сейчас моя продуманность и осторожность? Остаётся только покаянно опустить голову и признаться в том, что я не знаю, что делать. Совсем.

Вася последние пару недель появлялся редко. Отец вводил его в курс дел на лесопилке, Вася старался вовсю доказать отцу свою состоятельность, и ему было не до меня. Я скучала, но не скандалила и не капризничала, мне казалось, что это показатель моей женской мудрости. А потом этот тест на беременность в моей руке, полнейшая паника в душе, и я, не понимающая, куда и к кому мне бежать с этой новостью. И страх оттого, что за этим последует. Какая реакция? Ещё неделю назад я думала о переезде в большой город, о своём будущем, а две полоски на тесте, перечеркнули в моём сознании все возможности.

– Здрасьте, приехали, – вздохнул Вася, когда услышал от меня сногсшибательную новость. Естественно, я ждала не этих слов. Любая женщина в ответ на новость о беременности, хочет услышать радость в голосе любимого мужчины. А не расстроенное: «здрасьте, приехали». Но понять Васину я реакцию я могла. Сама подумала примерно то же самое, когда узнала.

Я сидела на диване, опустив голову и глядя в пол. На Васю глянуть было страшно. А тот прошёлся по комнате туда-сюда, повздыхал ещё, после чего задал совершенно глупый вопрос:

– Что делать будем?

Я плечами пожала.

– Ты кому-нибудь сказала?

– Нет. Кому?

Он присел рядом со мной на край дивана.

– Сказала бы матери.

Я всё-таки на него посмотрела.

– Я была свидетелем её разговора с Дашкой в своё время. Как-то не хочу.

– А что тогда делать? – снова повторил он свой вопрос. Я снова пожала плечами.

Мы замолчали. И было так тягостно на душе, что хоть кричи. Но я не кричала, только плакать ещё хотелось, очень-очень.

В тот вечер мы так ничего и не решили. Просто потому, что не решали ничего, пытались справиться со стрессом. Вася проводил меня до дома, и даже не поцеловал на прощание, хмурился и был задумчив. Я напоминать не стала, ушла, а внутри поселился страх. Я почему-то подумала, что всё плохо.

Думаю, что всё и было плохо. Тот момент с моей беременностью, был критическим, я почувствовала, уловила перемены, но вслух озвучено ничего не было. И пока я мучила себя догадками и предположениями, сидела дома, пытаясь скрыть от матери и тогдашнего отчима своё плохое самочувствие, тошноту и бледность, события развернулись со-

вершенно диковинным образом. По крайней мере, для меня. Правда, спустя время, спустя несколько лет, до меня дошла совсем иная информация о тех событиях, не та, что представил мне будущий муж. Он появился через несколько дней молчания, когда я уже совсем отчаялась, и огорошил меня тем, что рассказал обо всё родителям, и нам необходимо пожениться. Помню, Вася горячо и долго рассуждал о том, что это будет правильно, порядочно, у ребенка должна быть семья, а я стояла у окна, слушала его и растерянно хлопала глазами. Пожениться? На самом деле, пожениться? Вася мне предложение делает? И у нас будет настоящая, правильная семья, с ребёнком?

– Ты, правда, это хочешь? – переспросила я его, когда Вася выдохся и замолчал ненадолго. – Мы женимся?

Мы встретились с ним глазами, и он решительно кивнул.

– Да.

Куда позже я узнала, что особого желания заводить семью, жениться на мне, у Васи и не было. Всё решилось внезапно и без меня. Просто супротив мнению его родителей. Всерьёз растерявшись, Вася решил поведать любимой маме свою проблему. Сказать, что та не обрадовалась, значит, не сказать ничего. Я не знаю и никогда не узнаю, что Тамара Борисовна говорила единственному сыну и в каких выражениях, только предположить могу, но и этих предположений, моих фантазий, зная свою бывшую свекровь, мне предостаточно. А Вася, молодой и горячий, оскорбленный недовери-

ем и обвинениями в юношеской глупости, по всей видимости, взбрыкнул, и решил всё сделать по-своему. Отправился ко мне и сделал предложение вопреки мнению родителей. Вот только я тогда всего этого не знала, да и Вася, наверняка, всё сделал искренне, в душевном порыве, ничуть мне ни соврав. Вот только двигала им не любовь, а желание доказать родителям свою состоятельность, свою взрослость. Я и наш будущий ребенок лишь оказались способом это сделать.

Конечно, грянул скандал. Ни для кого в городе не было секретом, насколько Мезинцевы недовольны выбором сына. Тамара Борисовна откровенно хваталась за сердце, Михаил Иванович появлялся на улице с серьёзным, недовольным лицом, и все знали, что я тому виной. Меня провожали насмешливо-возмущенными взглядами, все были уверены, что я забеременела не просто так, а именно с умыслом женить на себе Ваську. В нашем городе он был выгодным женихом, семья считалась правильной, порядочной и обеспеченной. И стать невесткой Мезинцевых, тем более, в моём положении, с историей моей семьи, это можно назвать немыслимым везением. Но везением моё скорое замужество никто не называл, считалось, что я вцепилась когтями и зубами в лакомый кусочек, что подсунула мне судьба. По ошибке подсунула, на время, а я оказалась хитрее и куда меркантильнее, чем думали обо мне люди. Удачу свою не отпустила.

Кстати, моя мама новости о свадьбе всерьёз обрадовалась. И на фоне неё сообщение о беременности заставило её лишь

довольно улыбнуться и довольно кивнуть.

– Всё правильно, – сказала она, когда мы остались с ней вдвоём. Вася, вместе с которым мы сообщили моей родительнице о скором торжестве, ушёл, и мама подсела ко мне. Приподняла пальцем мой подбородок, в глаза заглянула. Что она пыталась в них увидеть, я не знаю, но что-то определённо высматривала. И затем произнесла эти слова: – Всё правильно.

– Что правильно? – переспросила я её.

А она неожиданно погладила меня по голове. Обычно маме было не свойственно проявлять к детям какие-то нежные чувства. За всё детство я удостоилась буквально пары объятий и одного поцелуя в лоб. А тут меня решили приголубить.

Мама снова коснулась пальцем моего лица, её губы тронула довольная улыбка.

– Ты красивая. Какой мужчина сможет от тебя отказаться?

Я от матери отстранилась, возмущенно фыркнула.

– Какая глупость! Мы с Васей любим друг друга!

– Ну, и любите, – кивнула мама, с дивана поднялась. Её тон был пропитан насмешкой. – Пока любится, любите. Только любовь, милая моя, проходит, особенно, у мужчин она проходит очень быстро, и тебе нужно сделать всё, чтобы удержать мужчину рядом. Так что, учись пользоваться тем, что тебе природа дала. Тем, что я тебе дала. Ты, Юлька, красивая.

– Не помню, чтобы ты Даше это говорила.

Мама на меня посмотрела.

– А Даше зачем? Она всей породой в отца пошла. Симпатичная дурёха, кровь с молоком. А ты… Пройдёт ещё несколько лет, и от тебя глаз невозможно будет отвести. Запомни мои слова. И не превращайся в курицу-наседку для своего мужа и ребенка. Пусть он смотрит на тебя, и боится потерять.

Тогда мне все мамины слова показались такими глупыми. Я даже разозлилась на неё, и подумала о том, что мама, из-за своих любовных неудач, пытается настроить меня против будущего мужа и его семьи. Какое мне дело до моей красоты, если я собираюсь замуж за любимого человека, собираюсь родить ему ребенка и прожить с одним-единственным мужчиной всю жизнь? Я такой счастливой себя чувствовала, мне казалось, что все мои мечты, все мои чаяния исполнились в один момент, как по волшебству. Я была настолько изумлена и обрадована происходящим, что даже не обращала внимания на недовольство будущих свекра и свекрови. Мезинцевы смирились с решением сына, смирились, сжав крепко зубы, стали готовиться к свадьбе, стараясь не обращать внимания на гул голосов вокруг. Родственники, друзья, соседи без конца ахали и хватались за голову, когда узнавали, на ком женится их сын. И я, всё равно улавливая настроение окружающих, всеми силами старалась быть хорошей, правильной. Я не спорила, я на всё соглашалась, я мило улыбалась, и ни на чем не настаивала. Мне, по сути, да-

же пышная свадьба не была нужна. Я не хотела свадебное платье и свадебный кортеж, не хотела застолья в ресторане. Я хотела стать женой, и наша жизнь с Васькой виделась мне чем-то незыблемым, бесконечно счастливым и душевным. Я не сомневалась, что мы поженимся, и проживем друг с другом долгую жизнь, у нас будут дети и внуки. Столько планов, столько мечтаний… Кстати, я до сих пор уверена, что это были самые счастливые дни за всю мою жизнь.

Но вопреки моей покладистости и нетребовательности, свадьба наша с Васей, была пышной и отгремела на весь город. Мезинцевы-старшие посчитали, что обязаны женить сына по всем правилам, а уж с кандидатурой невестки они ничего поделать не могут. Моя мама с отчимом участвовали в подготовке свадьбы весьма номинально. С Тамарой Борисовной я ездила в Нижний Новгород за свадебным платьем, она же со своим парикмахером выбрали для меня свадебную прическу, без меня и моей мамы определились с выбором ресторана (хотя, в нашем городе и выбор-то, особо, не стоял). Никакой душевности между мной и родителями Васи не возникло, как бы я не старалась, даже симпатии по отношению к себе я не чувствовала, и, конечно, расстраивалась из-за этого. Но уговаривала себя, что мы просто плохо друг друга знаем, и после свадьбы всё непременно изменится, я приложу к этому все усилия. К тому же, жить нам предстояло в их доме, никакого другого варианта изначально не предполагалось.

Дом у Мезинцевых был добротный, с большим приусадебным участком, за высоким, крепким забором, этакий Форт Нокс. С наскока точно не взять. И до начала приготовлений к свадебному торжеству, меня туда не приглашали ни разу, хотя, мы с Васей встречались почти год. Но я была нежелательным гостем в доме Мезинцевых, и всегда об этом знала. Знала, и не настаивала, чтобы не ставить любимого в трудное положение. А когда впервые оказалась за коваными воротами, признаться, впала в небольшой ступор. После нашей, даже новой квартиры, в обычной блочной пятиэтажке спального района, оказаться во дворе двухэтажного коттеджа современной постройки, показалось мне удивительным. И в тот момент я впервые вспомнила слова людей о том, что мне, провинциальной девчонке, несказанно повезло. Неизвестно за что, наверное, на самом деле, за смазливую мордашку и длинные ноги. Я посматривала по сторонам, на высокие вазы с дорогими, правда, искусственными цветами, на картины в резных рамах на стенах и новёхонький комплект мягкой мебели, и не верила тому, что совсем скоро буду здесь жить.

– Это твой дом, – сказал мне тогда Васька, а я счастливо ему улыбнулась.

Свадьба отшумела и отгуляла, под крики «Горько!» и кислые лица родственников со стороны жениха, которые составляли восемьдесят процентов приглашенных гостей, а в конце зимы у нас с Васей родилась дочка. Лиза. Милая, черно-

окая малышка, в которой я души не чаяла. Целыми днями я всматривалась в её личико, перебирала маленькие пальчики и говорила, как люблю её. К тому же, особо мне и заняться было больше нечем. К домашнему хозяйству меня в последние месяцы беременности практически не допускали, готовить мне запрещалось, готовила всегда свекровь, и соперницу на своей кухне она видеть не хотела. Да и, вообще, моё присутствие в доме так и не стало для Васиных родителей привычным и допустимым. Первые месяцы я всеми силами пыталась наладить с ними общение, а потом поняла, что только раздражаю их, и решила не усугублять ситуацию. Большее количество времени я проводила в нашей с Васей комнате, сходя с ума от скуки. А когда решалась пожаловаться на эту самую скуку мужу, тот всегда лишь отмахивался.

– Вот родишь, будет, чем заняться, – неизменно говорил Вася.

Сам он много времени проводил на лесопилке, уходил рано утром вместе с отцом, и появлялся только вечером, порой, даже позже Михаила Ивановича. Несколько раз я осторожно интересовалась у его родителей, почему мой муж задерживается. Я не понимала, почему свекор появляется дома всегда в одно и то же время, в семь вечера, точно к ужину, а Васи не бывает дома до десяти. Его родители неизменно удивлялись моему непониманию.

– Ему нужно входить в курс дел, перенимать опыт отца. Вот и задерживается. Это ты от безделья с ума сходишь, –

наставительно выговаривала мне свекровь, – а он семью вынужден кормить.

«Вынужден кормить семью». Звучало солидно и с определенным оттенком упрека. Мол, если бы не ты, гулял бы наш сыночек ещё долго, развлекался, и никаких бы проблем не знал. А теперь вынужден зарабатывать на жизнь и тянуть жену-бездельницу. Обычно после таких ответов я молча уходила.

Не была моя семейная жизнь похожа на безоблачное счастье, которое я рисовала в своих фантазиях, никак не была. Вроде бы и плохого ничего не происходило, никто не ругался и ничего не делил, всё в доме было чинно, мирно и благородно. Так, как и привыкли жить Мезинцевы, и я очень старалась соответствовать, пусть не сразу, но стать для их сына подходящей женой, заслужить их отношение своей покладистостью. И с Васей мы не ругались, он выполнял свои функции мужа и отца, как он их понимал, и уходил со спокойной душой на работу. А я оставалась с ребенком, в нашей с ним комнате. Свекровь тоже нечасто покидала дом. Работы у неё давно не было, могла себе позволить не работать, и все свои силы отдавала домашнему хозяйству, получая от этого настоящее удовольствие. Она заботилась о своих мужчинах – о муже и сыне, и, по сути, с моим появлением, в её жизни мало, что поменялось. Но внучку Мезинцевы-старшие любили. Тамара Борисовна заходила в нашу с Васей комнату по одной-единственной причине – полюбоваться на Лизу. А как

только она смогла забирать её у меня, чтобы погулять с девочкой в саду, стала это делать.

– Ребенку надо дышать свежим воздухом, – выговаривала она мне. – А ты без конца в комнате сидишь. Оделась бы да погуляла.

– Я как раз собиралась, – пыталась я вставить хоть слово в её обвинительные речи.

Обычно, если я осмеливалась что-то сказать в ответ, Тамара Борисовна останавливала на мне свой фирменный, печальный взгляд, оглядывала с ног до головы и обреченно вздыхала.

– Ты очень медленно всё делаешь, Юля, – любила говорить она. – Ты совершенно безынициативная.

Такие претензии казались мне обидными и беспочвенными. Медлительностью я никогда не отличалась, всегда была смышленой и озорной, только после замужества пыла во мне поубавилось. Потому что в этом доме мой пыл был всем без надобности, а я боялась проявлять характер.

Гулять с Лизой я могла только в саду, на глазах у свекрови. За забор меня отпускать не любили – что одну, что с ребенком. После рождения дочери я не виделась с родными несколько месяцев, если не полгода, даже счет времени потеряла. Правда, меня никто особо и не хватился. Мама, выдав так удачно дочку замуж, вновь сосредоточилась на своей личной жизни, увиделись мы с ней только на выписке. Она посмотрела на новорождённую внучку и ушла. Но, по-

дозреваю, что свекровь её даже за собранный для гостей стол не пригласила. Сестры на выписке и вовсе не было, как мне объяснили – Даша была занята важными семейными делами и передавала мне привет. Я сделала вид, что поверила. Но даже после того, как Лиза достаточно подросла для того, чтобы положить её в коляску и прогуляться по городу до дома матери или сестры, мне и то этого не позволяли.

– Таскать ребенка по гостям, – фыркала свекровь. – Хочешь сходить – иди, а девочку оставь в покое. Нечего цеплять всякую заразу.

– Какую заразу? – разводила я руками.

Тамара Борисовна стреляла в мою сторону глазами.

– Ещё неизвестно, кто к ним ещё в гости захаживает. Или тебе что, дома плохо? Обижают тебя здесь?

– Нет, конечно, – пугалась я. – Просто соскучилась. Да и дома…

– Что?

– Скучно.

Тамара Борисовна смотрела на меня снисходительно.

– Послушал бы тебя кто, Юля. Как ты живешь. Сладко ешь, крепко спишь на мягкой постели. Дома тебе скучно, ни к чему руки тебе не дают приложить. Повезло тебе с моим сыном, разве не так?

Что мне было говорить ей в ответ? Ведь, по фактам, так всё и выходило. И я кивала и подтверждала:

– Повезло.

Вот только наши с Васей отношения были далеки от идеальных. Он появлялся дома, когда считал это нужным, на несколько минут подходил к дочери, брал ту на руки, улыбался ей, и торопился вернуть младенца обратно мне. И неизменно говорил:

– Как я устал. Ужин есть?

Конечно, ужин всегда был. Вот только готовила его не я. И подавала еду мужу не я. Это не входило в мои обязанности. Всё это делала Тамара Борисовна. Как до нашей с ним женитьбы, так и после. Всех домочадцев это устраивало, а я… моего мнения не спрашивали.

Вся моя жизнь в первый год нашего с Васькой брака, свелась к тому, что мне необходимо было свыкнуться с новыми обстоятельствами. Вначале я летала от счастья, искренне считала, что мне безумно повезло. Я вышла замуж за любимого человека, что нам с ним есть, где жить, где спать, на что кушать. Не нужно выискивать средства для существования, как сестре и её семье. У моего мужа и его родителей красивый дом, доходное семейное дело, нам с мужем на свадьбу подарили автомобиль. А уж когда родится ребенок, нашему счастью не будет предела. Но на деле всё оказалось не столь радужно. Я привыкла к тому, что в жизни матери зачастую для меня не находилось места, я давно махнула рукой на то, что между нею и мной никогда не будет настоящей близости. Меня не смущала наша скромность жизненного уклада, отсутствие лишних денег, каких-то вещей, даже продуктов.

Но я чувствовала, что у меня есть место в жизни. Есть люди, которым я важна, пусть это и не родные люди, а друзья, подруги. И, выходя замуж, я была уверена, что отныне у меня появится семья. Мне так хотелось быть нужной, важной и родной. Но очень быстро я поняла, что ошиблась в своих предположениях. В доме родителей мужа я стала лишним человеком. От меня требовалось побольше молчать, не мешать, а с появлением дочери, заниматься её здоровьем и благополучием. Подруги, с которыми я хоть иногда могла чем-то поделиться, исчезли из моей жизни, мне больше не разрешалось с ними общаться. Тамара Борисовна каждый раз презрительно поджимала губы, как слышала о них.

– Ты теперь жена, Юля, – проговаривала она. – Какие гулянки могут быть? А с этими девушками и поговорить-то больше не о чем. – И в конце обязательно припечатывала: – Мужем занимайся.

А как им заниматься, если его никогда нет?

– Вася, давай съездим куда-нибудь, – просила я мужа время от времени, когда становилось совсем невмоготу проводить время в доме с его родителями, и больше ни с кем не общаться.

Васька, появлявшийся дома обычно к ужину, состряпывал удивлённую физиономию.

– Куда?

– Да хоть куда! Хотя бы на пару дней. Возьмем Лизу и съездим. Воздухом свежим подышать.

– Юль, каким ещё свежим воздухом? – вздыхал муженек. – У нас в трехстах метрах сосновый бор. Не дышится, что ли?

– Я устала сидеть в четырех стенах!

– А ты как хотела? – удивлялся он. – Семейная жизнь – это, вообще, не весело. Ты не знала, что ли? Думаешь, мне нравится целыми днями пропадать на лесопилке?

– Знаешь, – с вызовом ответила я, – думаю, нравится. Куда больше, чем проводить время со мной и с дочерью!

– Не устраивай скандал на ровном месте! – возмущался он в ответ и уходил, хлопнув дверью.

Мне было всего девятнадцать лет, и я совершенно не представляла, как следует правильно повести себя в этой ситуации. Даже посоветоваться было не с кем. Сутки напролет я проводила с ребенком на руках, и не потому, что дочь была беспокойной и требовала постоянного внимания, а просто потому, что мне нечем было больше заняться. Я даже в магазин без разрешения свекрови выйти не могла. Потому что с коляской меня никуда не отпускали, а попросить Тамару Борисовну остаться с внучкой, было особым делом. Нет, внучку она любила безумно, и готова была с ней возиться, играть, заниматься ею, но всё это в моём присутствии. А как только мне требовалось куда-то выйти, например, в больницу или навестить родственников, понянчиться с Лизой свекровь соглашалась не всегда. Только если считала, что повод для моего отсутствия достаточно веский,

а у неё на всё было своё мнение. Доказать свою точку зрения, если Тамара изначально со мной не согласна, было практически невозможно.

Да и за пределами дома моих проблем никто всерьёз не воспринимал. Мама, в принципе, не хотела вникать, у неё как раз на горизонте замаячило новое замужество, а сестра считала, что я бешусь с жиру.

– Юлька, ты сумасшедшая? – вопрошала она, когда нам всё же удавалось увидеться и о чем-то поговорить. – Ты живешь, как сыр в масле катаешься. Ни о чем не переживаешь. Тебе не надо думать, сколько тебе муж в зарплату принесет, и хватит ли вам с детьми месяц прожить. У тебя всё есть, – повторяла сестра слова моей свекрови. – А ты ещё находишь, на что жаловаться!

– Даш, со мной там даже никто не разговаривает, – пыталась донести я свою проблему. – Я там для мебели.

– Со мной бы все прекратили разговаривать, – вздыхала в ответ сестра. – Хоть на день. Я хотя бы выспалась.

Все мои жалобы начинали казаться мне глупыми, эгоистичными и беспочвенными. Но я всё же предпринимала ещё одну осторожную попытку:

– Вася дома почти не появляется.

– Так он работает! Его с утра до ночи на лесопилке видят. Радуйся! Не болтается, как некоторые, по улице. Работает мужик!

– Ну да, – говорила я негромко. И задумывалась о том,

что, наверное, со мной что-то не так, раз меня вечно всё не устраивает. Не нашлось на тот момент в моей жизни ни одного человека, который взял бы меня за руку и согласился с тем, что очень трудно чувствовать себя одинокой среди людей, которых следует называть своей семьёй.

Единственное, что меня радовало, так это дочка. Она росла такой чудесной, такой красавицей. И, как мне казалось, была очень похожа на меня. Те же темные глазки, темные волосы, которые завивались милыми кудряшками на висках. Лиза была любознательна и энергична. Как только подросла и начала ползать, я едва успевала её догнать, когда она с крейсерской скоростью направлялась к тому предмету, что её заинтересовал. Моя единственная отдушина. Я смотрела с ней мультфильмы, читала дочке сказки, лежала рядом с ней на лоскутном одеяле и наблюдала, как она перебирает яркие игрушки. Лиза смеялась беззубым ртом, на щеках её появлялись милые ямочки, а моё сердце таяло. Таяло, как воск, и из меня в такие моменты можно было лепить всё, что угодно. Для своей девочки я готова была на всё. Даже запереть себя в комнате на следующие лет десять. Сидеть здесь и наблюдать за тем, как она растет. Вот только её папа мало, что видел и наблюдал в процессе взросления ребёнка. Вася просыпался до того момента, как Лиза успевала открыть глаза, и появлялся дома зачастую тогда, когда я укладывала ребенка спать. Даже выходные у нас не были выходными. У Васи всегда находились какие-то дела, он куда-то уезжал с отцом

или ему необходимо было встретиться с друзьями.

– Что ты злишься на него? – укоряла меня свекровь. – Вася работает всю неделю, он устает. Надо же ему когда-то отдыхать.

– Я не спорю, – пытаясь сохранить спокойствие, говорила я. – Но я считаю, что он иногда может и с нами отдохнуть.

– С кем это – с нами?

– Со мной и с дочерью.

Тамара Борисовна отмахивалась.

– Глупости. У мужчин должны быть свои развлечения. Вас он и так каждый день видит.

– В том-то и дело, что не видит.

Тамара после таких моих всплесков эмоций, обычно устремляла на меня укоризненный взгляд.

– Юля, перестань капризничать.

А я не капризничала, я попросту задыхалась в этом доме. Задыхалась, понимая, что ничего лучшего у меня никогда не было. Но мне было морально очень тяжело чувствовать себя запертой в клетке, пусть и в условиях, лучше которых я никогда не знала.

На первое день рождение Лизы, мы, кажется, впервые собрались за столом всей семьёй. Гости приглашены не были, только самые близкие, мы втроём, родители Васи, его бабушка и дедушка и ещё тётка с семьёй, родная сестра Тамары Борисовны. Первый семейный праздник после свадьбы на моей памяти. До этого дня к нам в дом даже никто из родственни-

ков не захаживал, жили все своими семьями, обособленно. И эта оторванность от жизни меня здорово напрягала. Изо дня в день видеть лишь пару-тройку знакомых лиц, и больше никого, не находить с ними общего языка и замалчивать все свои обиды, согласитесь, очень психологически тяжело. Особенно, понимая, что мои обиды, моё мнение никому и не нужно. Я и на первом празднике собственной дочери больше напоминала наёмную няню, чем её мать. Сидела с краю, у детского кресла, занималась дочкой, и лишь прислушивалась к разговорам, что шли за столом. Вася, напротив, был весел, разговорчив, вел себя, как гостеприимный хозяин. Но на что я не смогла не обратить внимания, так это на то, что меня, лично меня, он, можно сказать, не видел. Даже сидел на другом конце стола, рядом с родителями, и общался с родственниками, а не со мной.

Тот вечер дался мне очень тяжело. Я была растеряна, потому что не ожидала такого отношения. Я была расстроена из-за того, что мои надежды на этот вечер не оправдались. Я ведь ждала, что мы с мужем проведем вечер рядом, рука об руку, глядя на общую дочь и гордясь ею. А Вася даже не обратился ко мне за вечер ни разу, по крайней мере, в моей памяти ни одно его слово, ни один взгляд не отложился.

А вечером, уже после того, как праздник закончился, я спустилась на кухню, чтобы подогреть бутылочку с кашей для Лизы, и невольно услышала разговор свекрови с сестрой. Они устроились на кухне, пили чай и негромко беседо-

вали. Я почти переступила порог кухни, как вдруг поняла, что говорят они обо мне. И машинально сделала шаг назад, за дверь.

– Всё так, как я и предполагала, – говорила свекровь сестре. – Надо было думать, на ком женишься. А теперь у них, Оксан, ребенок, Юля сиднем сидит в доме, а Васе даже стыдно кому-то признаться, на ком он женился.

Моё сердце взволнованно заколотилось, щеки вспыхнули, и захотелось убежать. Но я продолжала стоять на месте, не в силах пошевелиться.

– И так все знают, – проговорила родственница.

– Знают, конечно. Кто забудет? – И тут же вздохнула. – Женился на смазливой мордахе и красивой заднице. А теперь ни то, ни другое не нужно. А куда денешься?

– Ему-то что, Тома. Он на тебя её оставил, и сбежал на работу. Скоро жить на лесопилке будет.

– Лизоньку жалко. За что ей всё это?

Мне хотелось ворваться на кухню и поинтересоваться: всё это – это что? Что я делаю не так? Не люблю своего ребенка, не забочусь о ней? А то, что её отец предпочитает быть от нас подальше, так это не наша с дочерью вина!

Я ушла. В гараже под домом была микроволновая печь, я спустилась туда, в полной прострации, погрела кашу, а затем поднялась обратно в спальню. Вася, которого оставили играть с дочкой, пока я хожу на кухню, похрапывал, развалившись на кровати, а Лиза лежала рядом с ним и крутила в ру-

ках подаренную днем игрушку. Я остановилась рядом с кроватью, смотрела на мужа. И, наверное, именно в тот момент поняла, что больше его не люблю.

Интересно, куда уходит любовь?

ГЛАВА 4

Никуда любовь не уходит. Зачастую любовь медленно выгорает в душе. От невнимания, от потери взаимопонимания, интереса и желания общаться, узнавать друг о друге что-то новое. Выгорает от обид и разочарований, от долгих, бесплотных ожиданий. Любовь вытесняет быт и заботы, но с этим можно и нужно бороться. Только при условии, что этого хотят оба. Одному очень трудно плыть против течения. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы придти к окончательному выводу – у нас с Васей нет семьи. Есть он, и есть мы с Лизой, отдельно. Конечно, ещё Васины родители, но они всегда на его стороне, за его спиной, как крылья. У меня крыльев не было, поддержки не было. Я так ждала, что моей поддержкой в жизни станет муж, ведь мы были так влюблены. Но не случилось. И я всерьёз растерялась, жила, будто на автопилоте. Каждый день был похож на предыдущий, и не вносил в моё существование никаких перемен.

Вася пропадал с отцом на лесопилке, а я оставалась с дочкой и свекровью в доме. Никто не ругался, никто не предъявлял никому никаких претензий, не скандалил, в доме стояла тишина. Даже разговоров не было слышно. Только за ужином семья общалась, а я лишь присутствовала где-то рядом, с дочкой за компанию. Потому что папе нужно общаться с ребенком, нужно наблюдать, как она растет. А делать это

Вася мог только вечером. И то не каждый день.

– Ты моя красавица, – говорил он нараспев, беря дочку на руки. Несколько раз подкидывал Лизу вверх, та начинала безудержно смеяться, Вася улыбался дочери в ответ, а затем с чистой совестью передавал её мне на руки. Его взгляд на моем лице даже не всегда задерживался. Честно, я чувствовала себя няней, приживалкой в их доме. От меня ничего зависело, от меня ничего не ждали, мнения моего не учитывали. И муж, и его родители были убеждены, что я должна быть благодарна за то, что мне позволили стать частью их семьи, взять одну с ними фамилию, жить с ними под одной крышей.

– Что ты делаешь на лесопилке с утра до вечера? – задала я как-то вопрос мужу. Он даже в выходные торопился уйти из дома, в то воскресное утро я сидела на постели, прижимая к себе ещё не до конца проснувшуюся дочь, и наблюдала за его деятельными сборами.

Вася обернулся, взглянул на меня в удивлении.

– В каком смысле? Я работаю.

– Доски пилишь?

Он уловил в моём голосе сарказм и недоверие, и недовольно поморщился.

– Юль, не начинай.

– Я не начинаю, – качнула я головой. – Мне просто любопытно. Может, хотя бы в воскресенье ты останешься дома, и мы куда-нибудь сходим?

– Куда?

– Прогуляемся с ребенком. Зайдем в магазин, выберем ей комбинезон на весну, Лиза из всего выросла.

– Мама сказала, что купит.

– При чем здесь твоя мама? – не сдержалась я. – Я мужа прошу купить дочери одежду, а не его маму. У меня, вообще, муж есть, как считаешь? Или только его мама?

– Как же ты достала скандалить, – неожиданно заявил Вася, а я замерла с открытым ртом. Я обиделась не столько на его пренебрежительный тон, сколько на безосновательное обвинение. Это был наш первый с ним разговор за несколько месяцев.

Я сделала глубокий, осторожный вдох.

– Вася, я думаю, что нам нужно серьёзно поговорить. Обсудить всё.

Он ко мне повернулся.

– Что обсудить? Что в нашей жизни, вообще, можно обсуждать? Тебе плохо живется?

– Не кричи, – шикнула я. – Ты пугаешь ребенка!

– Это ты пугаешь ребенка, – парировал он. – Своими нелепыми претензиями! Да любая была бы рада оказаться на твоём месте! А ты ещё находишь причины жаловаться?

– И на каком же я месте? – Я осторожно пересадила дочку на кровать. Старалась голос не повышать, чтобы Лизу не пугать, она и без того смотрела на нас круглыми, непонимающими глазками. – Взаперти с твоей мамой?

– Перестань трогать маму, – проговорил Вася, будто выплюнул. – Она делает для нас всё. И для меня, и для тебя, и для нашей дочери. А ты ещё пальцем о палец в этом доме не ударила!

– А мне на это разрешение не дают! – не сдержалась я. – Я в этом доме даже не имею права в собственной комнате кресло передвинуть!

– А с какой стати тебе его двигать? – Вася нахально ухмыльнулся, глядя мне прямо в глаза. – Ты что, его покупала? Твоё дело заботиться о ребенке, – добавил он сурово. И у него на самом деле получилось сурово, без всяких эмоций.

Я молчала. Просто не знала, что сказать. Каждое слово мужа, каждый его колкий, непримиримый взгляд, пробивал дыру в моём сердце. А, может, к сердечным делам это уже не имело никакого отношения. Его слова и интонации били напрямую по моей самооценке, по моему самолюбию, от которого за прошедшие два года и так мало, что осталось.

– Ты меня больше не любишь? – Этот вопрос сам собой у меня вырвался. И я замерла, ожидая от него ответа, хотя, и без того его уже знала. И Васин взгляд, направленный на меня, был переполнен жалостью и вроде бы недоумением от того, что он слышал. Когда-то он брал меня за руку, обнимал, уверял, что любит, называл «своей девочкой». А теперь лишь смотрел на меня с непониманием и насмешкой.

– Юль, оставь меня в покое со своими бабскими истерика-

ми. Иди, ребенка корми. Ты хоть что-то будешь делать, или всё маме оставишь?

Он отвернулся от меня, сдернул со спинки кресла свой свитер и из комнаты вышел. А я осталась стоять. Мне почему-то даже шевелиться не хотелось. Я стояла, смотрела в стену, и в моей голове не было ни одной мысли. Только пустота, обида и тяжелое разочарование затопили меня всю, каждую клеточку. Хотелось кричать, топать ногами, но я стояла и молчала. А потом за спиной звук падения и детский плач. Лиза попыталась сама слезть с высокой кровати, упала и громко заплакала от страха. Я поспешила к ней, а из коридора уже послышался голос свекрови:

– Юля! Что опять случилось? Что с ребенком?

Я не ответила, просто со стуком захлопнула дверь.

На то, чтобы принять какое-то решение, чтобы осмелиться хотя бы начать обдумывать различные варианты, мне потребовалось некоторое время. Стало понятно, что надеяться на дальнейшую семейную жизнь с Васей, смысла нет. Мы окончательно потеряли способность разговаривать и что-то обсуждать, договариваться между собой. Мы, практически, не общались. Обсуждать это считалось неприличным, даже с его родителями, и все по-прежнему делали вид, что ничего не происходит. Изредка, но в дом Мезинцевых, приходили гости, родственники, и нам всем надлежало собираться за общим столом, и улыбаться. А если я вела себя, как считала свекровь, невежливо или неподобающе, на меня откро-

венно цыкали, а позже высказывали недовольство. Упреки в том, что я живу в их доме, ем их еду, что обо мне заботятся, и о моей репутации в том числе, сыпались, как из рога изобилия. Ни один семейный разговор не обходился без подобных нравоучений в мой адрес.

– Неужели тебя мать не учила, как следует себя вести? – напоказ вздыхала Тамара Борисовна. – Неужели так сложно улыбнуться людям, Юля?

– Я улыбаюсь, – говорила я.

– Улыбаешься, – хмыкала она. – Будто тебе нож к горлу приставляют. Помнится, когда ты хотела за Васю замуж, ты улыбалась во все свои белые зубки. А теперь только гримасничаешь. Чем мы, интересно, тебе не угодили? Что плохого сделали?

Я понимала, что если начну свекрови отвечать, то, скорее всего, мы поскандалим. А сил для этого я в себе не чувствовала. И поэтому сжимала зубы и молчала, а чаще всего старалась уйти.

– Я не могу там больше жить, – говорила я матери или сестре, когда выдавалась такая возможность. Мне так хотелось пожаловаться, высказать всю свою горечь хоть кому-то. Вот только слушать меня никто не хотел. Обе только отмахивались от меня.

– Глупости, – говорила мама. – Это твой муж. Ты обязана его любить.

– Что, значит, обязана? – удивлялась я. – А он не обязан

любить меня?

– А что ты делаешь для того, чтобы он тебя любил? Посмотри, на кого ты похожа, Юля? Вечные джинсы, какие-то футболки. Волосы в хвост, забранные. Хоть бы макияж сделала!

– Для кого? – Я принималась нервно смеяться. – Для мужа, который возвращается домой ближе к ночи? Так ему на меня смотреть некогда, ему надо с родителями пообщаться.

– Ты сама виновата, – не соглашалась со мной мама. – Мужчину нужно заинтересовывать, завлекать. А ты выглядишь, как привидение. Где та красивая девочка, в которую твой Вася влюбился?

Я опускала глаза в пол.

– Он её прогнал, – проговаривала я негромко.

А вот сестра, когда я пыталась что-то ей сказать, начинала всерьёз возмущаться и смотрела на меня, как на помешанную.

– Ты сдурела? – восклицала она. – Юль, ты себя кем возомнила? Тебя в такой дом взяли, а ты ходишь по городу и плачешься?

– Во-первых, меня никуда не брали, – принималась возмущаться я в ответ. – Я, Даш, не собака приблудная. Мы женились по любви, мы ребенка родили. И если всё закончилось…

– То что? – перебила меня Даша. Взглянула со злой на-

смешкой. – То что?

Под её напором мой пыл как-то остывал. И уверенность пропадала.

– Наверное, надо разводиться.

– Ты чокнутая. – Дашка показательно крутила пальцем у виска. – И куда ты пойдешь? Что ты, вообще, умеешь? Ты кто?

– Перестань так говорить! – злилась я. – Люди разводятся, и ничего страшного в этом нет!

– Конечно, нет. Если им есть, куда идти, и если они к чему-то приспособлены. А ты? Ты ни одного дня в своей жизни не работала. Ты школу с одними тройками закончила. Тебе даже жить негде! У матери этот Игорек появился, в маленькой комнате Макс. И ты собираешься туда переехать? После дома Мезинцевых? О дочери подумай, сумасшедшая.

Меня саму мучили все эти мысли, я прекрасно понимала, о чем мне говорит сестра, и понимала, что она права. Это будет скандал на весь город. Это будет огромное испытание для меня, потому что я, на самом деле, не представляю, как смогу устроить свою жизнь, прокормить себя и дочь. Я несколько месяцев себя этими мыслями изводила. Они меня пугали, но не оставляли.

Когда я появлялась на улице и ходила одна в магазин, а случалось это не часто, со мной здоровались. Присматривались с особым старанием, затем улыбались и говорили:

– Здравствуй, Юля.

Приходилось улыбаться и кивать в ответ. До замужества меня, зачастую, не замечали, я была неважна. А потом на мне женился Вася Мезинцев, сын хозяина лесопилки, человека, который давал местным мужчинам работу, и всю его семью необходимо было уважать. И меня в том числе. А я всегда из-за этого чувствовала себя неловко. Понимала, что меня замечают и мне кивают не потому, что хотят или я это чем-то заслужила, что я стала личностью в глазах окружающих, а только из-за фамилии. А в случае развода, я снова превращусь в парию, которая, к тому же, посмела не угодить Мезинцевым. Предстоящее меня всерьёз пугало, и никто мои страхи не спешил развеять. Наоборот, больше запугивали и говорили, что я не права. Выходя из дома, я слышала то же самое, что и от мужа и его родственников.

– Кто ты такая? Молчи, терпи и радуйся своему везению.

А у меня уже не получалось радоваться, как я ни старалась. Мне казалось, что я медленно утопаю в болоте, в которое меня затянул этот поспешный брак. В двадцать один год мне не хотелось радоваться жизни, я не видела никаких перспектив, я каждое утро просыпалась с ощущением, что меня поймали в ловушку.

Не знаю, сколько времени мне понадобилось бы для того, чтобы решиться на развод, или я вовсе бы не решилась, прислушалась бы к матери и сестре, и терпела бы дальше, но всё произошло само собой. Наверное, это как раз закономерно. Я, большую часть времени проводя за забором до-

ма Мезинцевых, ничего не знала, никаких сплетен и разговоров до меня не доходило, а, с пропадающим вечно где-то молодым мужем, я даже скандалить к тому моменту перестала. Мы с Васей жили, будто соседи. Я воспитывала его ребенка, а он время от времени появлялся рядом с нами. Причем, мой муж никогда не выглядел недовольным или брошенным. Вася всегда был в настроении, за прошедшие годы в браке он заметно возмужал, ещё больше раздался в плечах, выглядел настоящим красавцем и молодцом. Он становился взрослым, уверенным в себе мужчиной. Я порой задерживала на нём взгляд и думала о том, что когда-то именно в такого бравого молодца, я и влюбилась. Но в то время я его интересовала, я его привлекала, он любовался мною и давал безумные обещания, держа меня за руку и целуя мои губы, мы строили общие планы, а сейчас я была лишь безмолвной тенью при нашем общем ребенке. Наши чувства остались в прошлом, и я даже успела с этим смириться. Но мне не хватало смелости принять окончательное решение. Я смотрела на дочь и пугала себя тем, что из-за собственных чувств и порушенных амбиций, лишу её привычного достатка, уюта, бабушки и дедушки, которые в ней души не чают и присутствуют в её жизни с первого дня. Я не могла никак представить, как лишу её всего этого. Но затем настал такой день, такой момент, когда представлять уже было поздно. Один разговор, одна встреча, и в моей семейной жизни была поставлена жирная точка.

В тот день я вышла из дома одна, без Лизы, и без сопровождения Тамары Борисовны. Обычно, когда я отправлялась купить себе что-то из одежды, свекровь неизменно отправлялась со мной. В её сознании почему-то всегда присутствовала тревога по поводу того, что я куплю что-нибудь неподобающее, буду выглядеть смешно, нелепо или неприлично в глазах её друзей и знакомых, и поэтому меня надлежит контролировать. А тут намечалось семейное торжество, свадьба родного племянника свекра, что проживал в Нижнем Новгороде, и нас пригласили всей семьёй на праздник. Мне ехать не особо хотелось. Я вроде и радовалась тому, что смогу отвлечься, прокатиться в большой город, сменить обстановку, но само торжество в толпе родственников мужа нагоняло на меня тоску. Я представляла, как меня будут окидывать критическим взглядом, а затем сочувственно переговариваться с Тамарой в сторонке. Всегда всё проходило по одному и тому же сценарию. А от Васи поддержки мне вряд ли стоило ждать.

И вот, мы готовились к семейному торжеству, мне необходимо было купить платье, а сделать это в нашем маленьком городке было особо негде. Всего несколько магазинчиков женской одежды на всю главную, торговую улицу, да и ассортимент не поражал воображение.

– К Оле ступай, – дала мне напутствие Тамара Борисовна. – Ты же помнишь Олю? Дочь моей подруги? Она как раз недавно открыла магазин женской одежды. На месте бывше-

го магазина канцтоваров. – Свекровь улыбнулась, цокнула языком. – Молодец девчонка. Чего хочет, того добивается.

Я не удержалась от смешка.

– Чего не добиваться, когда мама с папой денег дают? – задала я риторический вопрос.

Тамара от моих слов нахмурилась.

– А ты, Юля, только рассуждать горазда. Что да у кого. В общем, ступай к Оле в магазин, я её предупредила. Она тебе поможет платье выбрать.

– Зачем мне помогать? Я взрослая.

– Взрослая. Вот только вкуса у тебя нет, – отбрила меня Тамара. – Давай обойдёмся без декольте и страз. Боюсь вспоминать твоё новогоднее платье.

Я сжала зубы, проглотила её обидные слова. Спорить было бесполезно, меня бы снова назвали неблагодарной и скандальной, а свою точку зрения я всё равно бы не отстояла.

Оставив Лизу на попечение свекрови, я отправилась в центр, пешком, решив прогуляться. Никакой радости от предстоящей покупки я не испытывала. И от встречи с этой Ольгой, кстати, тоже. Я её помнила. Она даже на свадьбе нашей с Васей присутствовала, они дружили с самого детства. Родители дружили, и они. Ольга была рослой, полноватой, но вполне симпатичной особой, старше меня на два года, и до удивления самоуверенной. Вот чего у неё не отнять, так это уверенности в себе. Она всегда смотрела на меня свысока, и я знала, что не понимает Васин выбор. Пару

раз она появлялась у нас в доме, уже после рождения Лизы, и всегда держалась с особым высокомерием, по отношению ко мне. С Тамарой же расцеловывалась и обнималась, над Васей без конца подшучивала, и они вместе смеялись над непонятными для меня моментами и воспоминаниями. В общем, рядом с ней я всегда ощущала себя некомфортно. И платье мне у неё покупать не хотелось, представляю, что она мне посоветует.

Ольга была в магазине. Я была уверена, что у неё работает продавец, но сегодня, специально для меня, Ольга лично ожидала моего появления. Не знаю почему, но у меня моментально сложилось такое впечатление. Что меня ждали. Я вошла, огляделась, затем посмотрела на хозяйку сего бутика модной одежды. Несколько секунд мы молча друг к другу присматривались. Ольга сидела за столом, пила чай и меня разглядывала. А я разглядывала её.

– Юля. – Ольга в одно мгновение переменила тактику, улыбнулась мне. Якобы приветливо. – Здравствуй.

Я кивнула ей в ответ.

– Здравствуй.

– Проходи. Я рада, что ты зашла.

Вообще-то, выбора мне не оставили, дали адрес и направили. Я растянула губы в ответной улыбке, прошла в зал, более внимательным взглядом оглядела представленный ассортимент. Но, если честно, осмотрелась я из вежливости. Надо же было хоть как-то проявить свою заинтересован-

ность.

– Мне нужно платье, – сказала я. – Мы едем на свадьбу.

– Да, Тамарочка мне говорила.

Тамарочка! Для кого-то может и Тамарочка, а для меня вот – свекровь.

Я стояла посреди зала и крутила головой. Лишь бы на Ольгу не смотреть и не встречаться с ней взглядом. Ситуация меня здорово напрягала. А Ольга стояла рядом со мной, в красивом платье, при прическе, вся такая идеальная, с макияжем, со свежим маникюром на нежных пальчиках, и разглядывала меня с легким недоумением. Будто не знала, о чем со мной говорить и как найти хоть какую-то тему для беседы. Явно считала, что я ей не ровня. Это убеждение проскальзывало в каждом её взгляде, в каждом слове и жесте.

– Что-то понравилось? Примеришь?

Я безразлично пожала плечами.

– Может, тебе и не следует ехать вместе с Васей на свадьбу?

Я перевела на неё взгляд. Такой скачок с места в карьер, признаться, удивил.

– И почему же?

– Мне кажется, что для тебя это не важно. В тебе даже заинтересованности никакой нет.

Я решила переспросить:

– А какая во мне должна быть заинтересованность? Я что-то должна делать, что-то говорить?

– Вести себя по-другому. Это же семья.

– Очень интересно, – вырвалось у меня. Я оторвалась от созерцания платьев, повернулась к Ольге и смело встретилась с ней взглядом. А затем набралась наглости и обозрела ту с головы до ног, весьма критическим взглядом. – А какое тебе дело до моей семьи? Твоей заинтересованности, я смотрю, можно только позавидовать.

Ольга чопорно поджала губы.

– В этом нет ничего удивительного. Я знакома с Васей с детства, и…

– И что? – Я отступила от неё. Понимание пришло молниеносно, просто взяло и пришло. И в душе поднялась такая буря. Ольга смотрела на меня, не подтверждая, но и не опровергая мои догадки. Затем отступила, поправила платья на вешалке, а мне сказала:

– Юля, ты замечаешь, что ты без конца злишься на всех?

– Что?

– Ты всегда не в духе, ты без конца на всех огрызаешься. Ты не замечала?

Я молчала. Мне очень хотелось ей ответить, но мои слова и мои интонации, как раз и выражали то, о чем эта особа говорила. Поэтому я заставила себя проглотить свой гневный протест. Даже сделала вдох, на секунду до боли сжала зубы, после чего проговорила:

– Не понимаю, как это касается тебя.

– Мы с Васей и его семьей не чужие друг другу люди. Мне

рассказывают о том, что происходит в их доме…

В их доме! Не в нашем с мужем и его родителями доме, а в их!..

– Кто именно рассказывает?

Ольга приподняла идеально выщипанную бровь.

– Это важно? – Она смотрела мне прямо в глаза. – А если я скажу, что твой муж, что ты сделаешь?

– Наверное, поинтересуюсь, с какой стати мой муж тебе жалуется.

И она, и я отлично знали ответ на этот вопрос. Мы смотрели друг другу в глаза и некоторое время молчали. Конечно, я могла бы трусливо отступить, чтобы избежать произнесенного ею вслух ответа, и, наверное, тогда ещё некоторое время могла притворяться, что ничего вокруг меня не происходит. Но я не отступила. Я настойчиво смотрела Ольге в глаза, и она, в конце концов, сказала:

– Потому что он понял, какую ошибку совершил.

На моих губах заиграла злорадная улыбка.

– Ему много времени понадобилось, чтобы понять.

Оля глянула на меня с жалостью. И именно в тот момент, именно за этот взгляд, за эту жалость, я её и возненавидела. Всей душой и навсегда.

– Нет, Юля, много времени ему не понадобилось. Но Вася хороший отец, он думает о ребенке.

– О ком он думает? – переспросила я, буквально пылая изнутри. Я сначала хотела зло расхохотаться, потом решила,

что это будет лишь показателем моей слабости, и смолчала. Отступила от Ольги, оглядела ту с ног до головы критическим взглядом. Правда, нервно сглотнула, не смогла с этим справиться. И задала конкретный вопрос: – Ты мне что-то хочешь сказать? – Ольга молчала, и я продолжила более смело. – Вы ведь с Тамарочкой, – намеренно повторила я за Ольгой, – не просто так всё это затеяли. Прислали меня сюда, чтобы мы с тобой встретились, поговорили. Что ты хочешь мне сказать? – повторила я. – Говори.

– Ты и так меня прекрасно поняла.

Ольга всё-таки немного спасовала передо мной, наверное, я выглядела чересчур взбудораженной и разозлённой, и она побоялась моей реакции, тем более, когда мы с ней наедине. Может, и правильно побоялась. Бить бы я её, конечно, не стала, но магазин бы её с удовольствием порушила. А как она думала? Пригласила меня, чтобы унизить, чтобы рассказать, какая я наивная, необразованная, плохо одетая дура, а она, такая раскрасавица, у меня мужа увела?

– Ваш брак с Васей был ошибкой, – всё-таки продолжила Ольга. Говорила она осторожно, но старалась, чтобы голос звучал уверенно. И вроде как ради успокоения добавила: – Такое бывает в молодости, люди путают любовь и влюбленность.

– А ты, как посмотрю, эксперт. Хочешь стать нашим семейным психологом?

Ольга откровенно поморщилась.

– Зачем ты так, Юля? Я пытаюсь поговорить с тобой спокойно, по-хорошему.

И тогда я задала ей тот самый вопрос:

– А ты кто такая?

– Что?

Я отступила на шаг и свой вопрос повторила:

– Ты кто такая? По какому праву, ты со мной пытаешься говорить? Спокойно и по-хорошему.

Я наблюдала, как Ольга вся подобралась, сделала глубокий вдох, вскинула подбородок, а на меня взглянула с вызовом.

– Думаю, ты уже догадалась.

Конечно, было больно. И до ужаса обидно. И очень трудно стоять напротив неё и понимать, что как ни крути, а проигравшая сторона в нашем с ней разговоре, это я. Это меня обманули, предали, мне изменили. Ведь суть беседы в этом, да?

Мне потребовалось несколько секунд, прежде чем я смогла собрать в кулак последние силы, последние крохи самолюбия, нацепила на лицо улыбку. Наверное, кривая, но наплевать, главное, не разреветься у Ольги на глазах, не забиться в истерике. Не потому, что меня собирается бросить любимый муж, а лишь от осознания того, что меня предали, и из-за страха перед близкими переменами.

– Васе, что же, смелости не хватило мне признаться?

– Вася думает о ребенке. Он не хочет нервировать дочь.

– Вася не хочет нервировать свою избалованную задни-

цу, – отрезала я. – Как всегда хочет посидеть и подождать, пока за него бабы всё решат. – Я, по Ольгиному примеру, тоже гордо вскинула подбородок, и попыталась взглянуть на соперницу свысока. Она ведь смотрит на меня свысока, то, почему я не могу? – Он тебе нужен? – Я раздвинула губы в улыбке. – Забирай. Ты ведь так этого хотела. Всю юность за ним пробегала, а ему было на тебя всё равно. Думаешь, я не знаю? А сейчас ты решила Васеньку пожалеть? Васенька не правильно женился? Так пусть женится правильно, я не против. Так ему и передай.

– Юля, я понимаю, ты злишься, но не надо так.

– А не пошла бы ты, – спокойно проговорила я. Уже хотела направиться к выходу, но передумала, снова на Ольгу обернулась. – Ты будешь ему хорошей женой. И непременно хорошей невесткой его родителям. У вас всё будет правильно и замечательно. Походящая пара. – Я усмехнулась. – Только он тебя не любит. И не полюбит никогда. Ты будешь только удобной и подходящей. – Я видела по Ольгиным глазам, что мои слова достигли цели. А ещё заметила, что она лишь в последний момент сдержала судорожный вдох. – Между нами пусть юношеская, но любовь была. И ребенок наш рожден в любви. А ты всю жизнь будешь стараться, будешь доказывать свою необходимость, свою идеальность, но он всегда будет смотреть на других. На таких, как я. Натуру-то не изменишь. По-моему, куда лучше, если тебя разлюбили, чем не любили вовсе. Но каждому, как из-

вестно, своё.

Я вышла из магазина и со злостью захлопнула за собой дверь. Пошла прочь, не оборачиваясь. Знала, что Ольга смотрит мне вслед. И знала, что с этого дня мы стали с ней врагами.

Свекровь встретила меня настороженным взглядом. Не знаю, успела ли ей Ольга позвонить и рассказать о произошедшем, ведь я домой принеслась, как фурия. На крейсерской скорости. Я вошла, Тамара вышла мне на встречу, присматривалась ко мне с опаской.

Я на неё посмотрела. Да, я посмотрела. И, наверняка, в моём взгляде читались все мои эмоции, все мысли, какие я крутила в голове, пока шла обратно домой. Все чувства, что меня душили.

Я аккуратно свекровь обошла, направилась к лестнице, что вела на второй этаж, а Тамара Борисовна осторожно поинтересовалась:

– Юля, ты не купила платье?

– Не купила, – ответила я и побежала наверх по ступенькам.

Закрыв дверь комнаты, я, наконец, остановилась, заставила себя перевести дыхание. Выдохнула, закрыла глаза и замерла так на несколько секунд. Кровь колотилась в висках с такой силой, что причиняла боль. Я открыла глаза, огляделась. Лиза спала в своей кроватке, спала спокойно, даже посапывала. Я сделала несколько шагов, постояла над ней, раз-

глядывая. Ни одной четкой мысли в голове, сплошные эмоции. В какой-то момент пришлось сжать руку в кулак, чтобы остановить этот вихрь.

Нужно что-то делать. Просто взять и сделать.

Лиза проснулась через два часа. За это время я успела собрать практически все наши с ней вещи. Вот только, как их перевезти из этого дома в квартиру матери, где я до сих пор была прописана, я не знала. Но решила, что об этом можно подумать позже, например, завтра. Сегодня главное из этого дома уйти. Я собрала в сумку самое необходимое, одела ребенка, сунула Лизе в руки её любимого плюшевого жирафа, сумку с вещами закинула на плечо, и вышла из комнаты. Я была настроена решительно.

– Юля, ты куда?

Тамара Борисовна, наверняка, поджидала меня, потому что выскочила из кухни наперерез.

Я коротко ответила:

– Ухожу.

– Куда ты уходишь?

Я глянула на свекровь с насмешкой и злорадством.

– Освобождаю место для вашей новой невестки. Тамара Борисовна, давайте не будем притворяться, что кто-то из нас чего-то не понимает. Вы не просто так меня отправили к этой Ольге в магазин, а я не просто так ухожу из вашего дома. Не переживайте, скандалить и бунтовать не буду. Оставляю вас в покое.

В первый момент свекровь сделала шаг назад. Она его сделала, с видимым облегчением, но затем её взгляд остановился на Лизе. И она нахмурилась.

– Ты забираешь Лизу?

Я всерьёз удивилась.

– Конечно. Или тоже предлагаете оставить её Ольге, как переходящее знамя? Это моя дочь.

– И куда ты собираешься?

– Домой, – отрезала я. И, наконец, смогла протиснуться к выходу.

– Юля, тебе нужно обсудить это с Васей!

– Пошёл он… – в сердцах выдохнула я. – Ваш Вася.

Я хотела посадить дочку в коляску, но Тамара Борисовна едва ли не кубарем скатилась с крыльца и вцепилась в ручку.

– Юля, это не только твой ребенок! Ты не имеешь права забирать её из дома!

Лиза, не привыкшая к крикам, начала хныкать от страха. Я прижала дочь к себе. А свекрови сказала:

– Обсудим это в суде.

Коляску пришлось оставить. Свекровь никак не хотела от неё отцепляться, я мысленно махнула рукой и выскочила за калитку с ребенком на руках. Быстрым шагом направилась по улице. Я знала, что Тамара не кинется меня догонять, побоится дальнейших пересудов соседей. Так и получилось. Она выглянула, постояла в нерешительности, после чего скрылась за своим забором. Мне стало немного спокой-

нее.

Дома мне не особо обрадовались. Мама сначала не поняла, что я пришла с вещами и насовсем, думала, что в гости явилась, и то не вовремя. У мамы новый муж, подросший сын, а тут ещё я. С её внучкой. А какая может быть внучка у цветущей, молодой женщины?

– Ты не в своем уме? – зашипела она на меня, когда мы оказались с ней с глазу на глаз на кухне. – Ты ушла от мужа?

– Это он от меня ушёл, – ответила я, глядя маме прямо в глаза. – Завёл себе другую. Так что, в том доме мне больше нет места. Пришлось уходить.

– Сюда?

– Я здесь прописана, если ты не забыла. Это и мой дом тоже.

Мама уперла руки в бока, обреченно вздохнула.

– Юля, это всё так некстати.

– Тебе всегда дети с их проблемами некстати, – нетерпеливо отмахнулась я от неё. Прошла в кухню, стала готовить для дочки кашу.

– Ты собираешься здесь жить?

Я решительно кивнула.

– Да.

– Как ты себе это представляешь? Мы с Вовой, Макс, ты с ребенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.